

Краснодарское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»
КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани»
Научно-исследовательский институт истории,
экономики и права (Москва)

**МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
«КРАСНОДАР-2019»**

**под ред. А.А. Долгова, П.В. Каленского,
В.В. Сорокожердьева**

Москва
Научно-исследовательский институт истории,
экономики и права

2020

ББК 65.9 (2Рос)+67.4

Редакционно-издательский совет сборника научных статей:

А.А. Долгов, А.Н.Ильяшенко, П.В. Каленский, Л.Л.Кожевников, С.И. Кондратьев, С.А.Куемжиева, П.М.Курдюк, А.Н.Куц, Е.Б.Овдиенко, А.Л.Осипенко, С.В.Потапенко, В.В. Сорокожердьев, А.М.Меликян.

Ответственный редактор: В.В. Сорокожердьев.

Материалы межрегиональной студенческой юридической олимпиады «Краснодар-2019» / под ред. А.А. Долгова, П.В. Каленского, В.В. Сорокожердьева. – М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2020 – 177 с.

ISBN 978-5-906724-64-9

В данном сборнике представлены материалы, которые были подготовлены участниками десятой межрегиональной студенческой юридической олимпиады «Краснодар-2019», проведенной Краснодарским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», при поддержке КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани».

Олимпиада призвана стимулировать научный поиск молодых студентов в демократическом правовом государстве, содействовать процессу приобретения ими дополнительных профессиональных знаний и навыков. Она проводится в целях повышения качества подготовки квалифицированных специалистов по юридической специальности, повышения у студентов юридических ВУЗов и факультетов интереса к учебной деятельности и будущей профессии, создания необходимых условий для поддержки одаренных молодых людей, формирования кадрового потенциала для исследовательской, административной, производственной и иных видов деятельности

Адресуется научным работникам, студентам и курсантам юридических ВУЗов и факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами права.

Данный сборник подготовлен и опубликован при финансовой поддержке Администрации Краснодарского края в рамках общественно полезной программы «Десятая межрегиональная студенческая юридическая олимпиада «Краснодар-2019».

© Краснодарское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

© Научно-исследовательский институт истории, экономики и права

© Коллектив авторов

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

От имени Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» поздравляю всех участников Десятой межрегиональной студенческой юридической олимпиады «Краснодар-2019», которая была проведена Краснодарским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» 5–6 декабря 2019 года на базе Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.

Именно вам, в первую очередь адресован данный сборник научных статей, в который вошли работы, подготовленные по результатам выступлений студентов и курсантов на Олимпиаде.

Десятая межрегиональная студенческая юридическая олимпиада «Краснодар-2019» традиционно была приурочена к 3 декабря - дню, когда в России отмечается День юриста. Этот праздник установлен Указом Президента Российской Федерации от 4 февраля 2008 года № 130 «Об установлении Дня юриста».

Такое внимание со стороны Президента и государства в целом, обусловлено большой значимостью людей этой профессии и огромной ответственностью, которая на них возлагается.

От юристов требуется высочайший профессионализм, глубокие знания, творческие способности, трудолюбие и много других положительных качеств, которые закладываются еще со студенческой скамьи.

Такие мероприятия как Десятая межрегиональная студенческая

юридическая олимпиада «Краснодар-2019» как раз и дают возможность студенту по-настоящему раскрыть свои возможности и таланты, является профессиональным лифтом, прививает любовь к избранной профессии!

Уверен, что представленный сборник статей будет полезен не только студентам и курсантам, уже принявшим участие в олимпиаде, но и будущим ее участникам и всем, кто интересуется вопросами права.

Крепкого вам здоровья, счастья и благополучия, больших успехов в деле служения Закону и Справедливости во благо Кубани и Отечества!

Председатель
Краснодарского регионального отделения
Общероссийской общественно организации
«Ассоциация юристов России»

А.А. Долгов

ПРАВО НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Джадан Е. И., магистрант

Кубанский государственный аграрный университет

имени И.Т. Трубилина,

г. Краснодар

Здоровье – важнейшее условие достойного качества жизни. Проблемы со здоровьем способны существенно ограничить физические и социальные возможности человека и вынудить его уделять первостепенное внимание процессу лечения. Поэтому право на получение качественной и максимально оперативной медицинской помощи является условием реализации иных прав человека. Однако приходится признать, что сфера медицинского обслуживания характеризуется наличием ряда проблем, обусловленных недостатками правового регулирования.

Согласно статье 41 Конституции РФ, каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, причем медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно [1]. В развитие рассмотренной конституционной нормы на федеральном уровне принято большое количество законов, главным из которых является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Майский указ Президента РФ, определяющий национальные цели и стратегические задачи развития России на период до 2024 го-

да, в числе приоритетных направлений совершенствования системы здравоохранения обозначил ликвидацию кадрового дефицита в медицинских организациях, обеспечение оптимальной доступности медицинских организаций и решение проблемы очередей при обращении пациентов в медицинские организации [2].

Основным документом, регламентирующим механизм реализации конституционного права граждан на медицинскую помощь является Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [3]. Программа ежегодно утверждается Правительством РФ. На основе указанной программы органами государственной власти субъектов РФ утверждаются территориальные программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

Нормативы федеральной программы формируются с учетом финансовых, технических, кадровых и иных возможностей всех входящих в состав Российской Федерации субъектов. Например, при разработке таких нормативов Правительству РФ необходимо принимать в расчет дефицитный характер более половины региональных бюджетов по обязательствам субъектов РФ в сфере оказания гражданам бесплатной медицинской помощи [4, с. 216]. В этой связи ч. 3 ст. 81 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержит прямое указание на то, что федеральные стандарты медицинской помощи имеют «усредненный» характер, причем их превышение является правом, но не обязанностью субъекта РФ, даже при наличии у региона финансовых ресурсов для улучшения условий оказания медицинской помощи [5]. В итоге фе-

деральные нормативы оставляют широкое пространство для регионального нормотворчества. Такая модель правового регулирования позволяет учесть финансовые и иные возможности различных субъектов РФ, а также специфику их деятельности по оказанию медицинской помощи. Однако решение вопроса о качественном и количественном превышении «усредненных» нормативов реализации гарантированного Конституцией РФ права на бесплатную медицинскую помощь входит в исключительную компетенцию субъекта РФ.

Рассмотренная модель распространяет свое действие и на систему федерального контроля за исполнением субъектами РФ обязательств по оказанию гражданам бесплатной медицинской помощи. В соответствии с ч. 5 ст. 81 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ежегодно проводится мониторинг формирования и экономического обоснования региональных нормативов бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. В ходе такого мониторинга Министерством здравоохранения РФ и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования территориальные программы проверяются лишь на предмет их соответствия федеральной программе (п. 4 Положения об осуществлении мониторинга формирования, экономического обоснования территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи) [6]. По результатам проведенного мониторинга составляется заключение, где содержатся замечания по содержанию территориальной программы, а также рекомендации по их устранению. Следовательно, федеральный контроль представляет собой проверку формального соответствия региональ-

ных нормативов федеральным и далек от определения реального состояния медицины в регионах. Приходится констатировать низкую эффективность механизмов федерального контроля обеспечения права граждан на бесплатную медицинскую помощь.

В Краснодарском крае ежегодно разрабатывается «Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» [7]. Однако целый ряд заложенных в программе нормативов не позволяет реализовать на практике конституционное право граждан на медицинскую помощь.

В качестве одного из важнейших направлений территориальной программы заявлено сокращение времени ожидания в очереди. В то же время программа предусматривает срок в 14 суток на ожидание консультации врача-специалиста и диагностического исследования, включая рентген и УЗИ. Вполне допустимым в соответствии с территориальной программой является ожидание пациентов в течение 30 суток при необходимости пройти компьютерную томографию и ангиографию. В результате основные жалобы связаны именно с невозможностью получить медицинскую помощь в разумные сроки.

Решению обозначенной проблемы должно было способствовать введение механизма электронной записи к врачу. Однако в настоящее время его использование связано с некоторыми трудностями. Так, специалисты Общероссийского народного фронта установили, что, несмотря на выделенные в 2018 году на усовершенствование и расширение функционала регионального контакт-центра 19,5 миллионов рублей, платформа (сайт kuban-online.ru и портал госуслуг) постоянно даёт сбой, не может распознать пациента, не поддерживает часть ле-

чебно-профилактических организаций, а также не позволяет встать на учёт в медицинскую организацию [8].

Целесообразными следует признать меры по расширению сети медицинских организации, количественному и качественному совершенствованию кадрового ресурса. В то же время согласно докладу министерства здравоохранения Краснодарского края о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения за период 2013–2017 годов число медицинских организаций сократилось на 12 больничных учреждений и 13 диспансеров в связи с «реорганизацией маломощных учреждений путем слияния их с более крупными учреждениями» [9, с. 33]. Если обратиться к практике Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае, можно отметить, что такая реорганизация часто создает дополнительные трудности для граждан. С подобной проблемой столкнулись жители совхоза «Горхутор» и поселка Северный в г. Краснодаре. Ранее они обслуживались в МБУЗ «Городская поликлиника № 13», которая находилась в 5 минутах ходьбы. Но в связи с реорганизацией Городской поликлиники № 13 граждане были закреплены за Городской поликлиникой № 8, до которой им добираться 2 часа [10, с. 57–58]. На наш взгляд, вполне обоснованным является предложение Уполномоченного о необходимости учитывать мнение населения соответствующей территории при реорганизации медицинских учреждений.

Отметим также, что увеличение численности населения Краснодарского края за период 2013–2017 годов обусловило общее снижение уровня обеспеченности медицинских организаций врачами: по данным на 2017 год этот показатель составляет 33,4 врача на 10 тысяч

населения [9, с. 152]. На территории края имеют место случаи простоя медицинского оборудования (например, в ФГБУ «Объединенный санаторий «Русь») ввиду отсутствия квалифицированного персонала [11, с. 591].

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы оказания гражданам экстренной и неотложной медицинской помощи. Их особая актуальность подтверждается, например, тем фактом, что причиной практически половины смертей в крае стали заболевания системы кровообращения [9, с. 21]. Своевременное прибытие врача в данном случае позволяет спасти человеческую жизнь.

В территориальной программе заложен срок 20 минут на доезд до пациента, для жизни которого существует реальная угроза. А оказание неотложной медицинской помощи по нормативу может откладываться на целых 2 часа.

Подразделения скорой медицинской помощи организованы во всех 44 муниципальных образованиях Краснодарского края. Служба скорой медицинской помощи по состоянию на 1 января 2018 года представлена 14 станциями и 30 отделениями скорой медицинской помощи [9, с. 105]. При этом эффективность подразделений скорой помощи существенно снижается в условиях активного роста численности населения края. Так, плотность населения Краснодарского края по данным на 1 января 2017 года составила 73,8 человека на один квадратный километр и превысила среднероссийский показатель более чем в 8 раз, что позволяет причислить край к числу самых густонаселенных регионов России [9, с. 8].

Дополнительная нагрузка на службу скорой помощи Краснодарского края объясняется также высоким удельным весом населения старше трудоспособного возраста. За период 2013–2017 годов его численность увеличилась на 10,4% или на 135 тысяч человек [9, с. 13]. Старение населения означает усложнение патологий, развитие множественных хронических заболеваний и соответствующий рост потребности в оказании медицинской помощи.

Скорость оказания экстренной и неотложной медицинской помощи напрямую зависит от степени материально-технической и кадровой оснащённости учреждений здравоохранения. Однако согласно докладу Министерства здравоохранения Краснодарского края о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения на территории края за период 2013–2017 годов число санитарных автомобилей только сократилось с 652 до 642 [9, с. 105]. Работа по решению проблемы кадрового дефицита тоже проходит без особых успехов. Согласно докладу краевого Минздрава на первое января 2018 года скорая помощь укомплектована врачами на 39% от штатного показателя [9, с. 105].

В итоге уже систематическим стало превышение установленного территориальной программой подушевого норматива оказания скорой медицинской помощи (0,3 вызова на 1 застрахованное лицо) [9, с. 107]. Также по состоянию на 2017 год на 10 тысяч жителей Краснодарского края приходится 0,74 врача скорой медицинской помощи [9, с. 105], что не соответствует нормативу, рекомендованному Минздравом России (1 бригада на 10 тысяч человек) [12].

На практике проблемы материально-технического и кадрового оснащения выражаются в невозможности своевременного оказания экстренной и неотложной медицинской помощи. Так, Уполномоченным по правам человека в Краснодарском крае были зафиксированы случаи, когда гражданам с обширным инфарктом и сильным приступом пришлось более двух часов ожидать приезда бригады скорой помощи. Ответы министерства здравоохранения Краснодарского края на множественные обращения Уполномоченного по данному вопросу носили формальный характер и содержали указание на соблюдение установленных стандартов материально-технической оснащённости системы скорой помощи. В свете рассматриваемой проблемы нельзя не согласиться с мнением Уполномоченного о том, что строгое соблюдение установленного порядка и нормативов не имеет смысла в том случае, когда практика их применения, фактически, ставит под угрозу жизнь человека [10, с. 56–57].

Еще одной важной проблемой является обеспечение оптимальной доступности медицинских организаций. Согласно территориальной программе довольно большое количество государственных и муниципальных медицинских учреждений в Краснодарском крае реализуют свою деятельность вне программы обязательного медицинского страхования. В том числе, например, ряд противотуберкулезных, наркологических и психоневрологических диспансеров, а также краевой детский центр медицинской реабилитации.

Но и с входящими в программу обязательного медицинского страхования организациями дела обстоят не лучшим образом. Так, имеют место нарушения гарантированного ч. 1 ст. 21 Федерального

закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» права на самостоятельный выбор медицинской организации. В некоторых случаях реализация указанного права возможна лишь при активном участии Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае. Например, гражданке, находившейся на момент обращения к Уполномоченному в ГБУЗ «Научно-исследовательский институт – ККБ № 1 им. профессора С.В. Очаповского», было отказано в проведении операции на позвоночнике на том основании, что сначала ей необходимо произвести лечение сердца и эрозии желудка, для чего ей было предложено обратиться в медицинское учреждение г. Сочи по месту жительства. При этом врачи не приняли во внимание тот факт, что состояние пациентки было настолько тяжелым, что любое перемещение могло привести к необратимым последствиям. Только после обращения Уполномоченного в министерство здравоохранения Краснодарского края были приняты все необходимые меры по оказанию медицинской помощи гражданке, операция была проведена успешно [13, с. 87–88].

Главной причиной обозначенных проблем является недостаточное финансирование сферы здравоохранения. Рекомендованное Всемирной организацией здравоохранения значение для достижения приемлемого уровня оказания медицинской помощи – 500 долларов на человека в год [14] – реализуется согласно краевой территориальной программе меньше, чем на половину. Выделяются всего 15210 рублей на каждого жителя Краснодарского края, что на сегодняшний день соответствует двумстам тридцати долларам. Следует отметить, что региональный показатель не соответствует даже «усредненному»

федеральному подушевому нормативу финансирования, который составляет 15288 рублей [3]. При этом в некоторых регионах России значение рассматриваемого норматива соответствует федеральным требованиям, а также практически достигает уровня, рекомендованного Всемирной организацией здравоохранения. Например, подушевой норматив финансирования в городе Москве составляет 31993 рубля [15], в Еврейской автономной области – 21107 рублей [16], в Пермском крае – 16416 рублей [17]. Также для сравнения можно привести одну из стран ближнего зарубежья – республику Латвия, где на человека в год расходуется 940 долларов [18]. А в Норвегии этот показатель достигает 7300 долларов [19].

Разумеется, в таких условиях количество недовольных как сроками, так и качеством оказываемых услуг увеличивается. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к интернет-порталу оценки качества медицинских услуг. Средний рейтинг краснодарских бюджетных медицинских учреждений у населения края по данным ООО «МедРейтинг» едва превышает 2,5 балла из 5 [20]. При этом заложенный в территориальной программе норматив удовлетворенности населения медицинской помощью составляет всего 67%. Иными словами, краевой норматив предполагает, что треть пациентов останутся недовольными качеством и сроками оказанных медицинских услуг. И это не кризисная ситуация, а показатель, к достижению которого надо стремиться. Таким образом, современное состояние медицины в крае нельзя назвать удовлетворительным.

На наш взгляд, действующие региональные нормативы оказания медицинской помощи требуют срочного изменения. В первую оче-

редь необходимо подчеркнуть, что основной причиной кадровых и материально-технических проблем в медицине является недостаточность финансирования сферы здравоохранения. В этой связи необходимо внести изменения в статью 6 Закона Краснодарского Края «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи», закрепив нормативы финансирования на уровне, установленном Правительством РФ, а также продолжить работу по приведению значения указанных нормативов в соответствие со значением, рекомендованным Всемирной организацией здравоохранения [21; 22]. В условиях профицитного краевого бюджета [23] дополнительные финансовые средства должны направляться на развитие именно системы здравоохранения.

В целях обеспечить реализацию права граждан на медицинскую помощь следует внести изменения в Приложение 13 к вышеназванному Закону и тем самым привести сроки оказания медицинской помощи в соответствие с нормативами, установленными Всемирной организацией здравоохранения [24]. В частности, срок ожидания неотложной медицинской помощи надлежит сократить до получаса, а приема врача-специалиста до 3 суток. Посредством внесения изменений в Приложение 11 к Закону показатель удовлетворенности качеством оказанных медицинских услуг необходимо поднять до принятых в частных организациях 90%.

Указанные показатели могут быть реализованы на практике лишь при условии должного материально-технического и кадрового оснащения системы здравоохранения. В этой связи считаем необходимым пресечь практику такой реорганизации медицинских учреж-

дений, при которой нарушается правило о доступности медицинских организаций для граждан. С этой целью предлагаем Законодательному Собранию Краснодарского края воспользоваться правом федеральной законодательной инициативы и выйти с предложением о дополнении ст. 29.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нормой, согласно которой при принятии решения о такой реорганизации обязательным является учет мнения населения, проживающего на соответствующей территории. Для решения проблем кадрового дефицита следует продолжить работу по разработке новых и реализации положительно зарекомендовавших себя региональных программ.

Например, отметим программу «Земский доктор» [9, с. 157–158].

Реализация права граждан на получение бесплатной медицинской помощи возможна лишь при условии включения государственных и муниципальных медицинских учреждений в систему обязательного медицинского страхования. Также следует разработать и активно внедрять механизмы ответственности руководителей медицинских организаций за отказы гражданам в реализации их прав в рамках программы обязательного медицинского страхования, например, права на самостоятельный выбор медицинской организации.

Проведенное исследование деятельности Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае позволяет сделать вывод о том, что омбудсмен имеет представление о действительном состоянии региональной системы здравоохранения. Часто именно Уполномоченный заостряет внимание власти и общества на проблемах ре-

лизации права гражданина на медицинскую помощь. Основной формой реагирования омбудсмена на установленные нарушения выступают обращения в министерство здравоохранения Краснодарского края. Подобная мера является вполне действенной при необходимости оказать помощь гражданину в конкретной ситуации. В то же время Уполномоченный не обладает полномочиями по системному решению выявленных недостатков нормативного регулирования сферы здравоохранения. На наш взгляд, при отсутствии эффективных механизмов федерального контроля целесообразным является предоставление Уполномоченному права законодательной инициативы в Законодательное Собрание Краснодарского края. Для этого необходимо внести дополнение в ст. 55 Устава Краснодарского края.

Только через совершенствование действующей программы возможна подлинная реализация конституционного права человека на доступную, качественную и бесплатную медицинскую помощь. А здоровое население – это залог процветания всей России.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 21 июля 2014) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

3. Постановление Правительства РФ от 10.12.2018 № 1506 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 51. Ст. 8013

4. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2018. – 304 с.

5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 26.06.2015 № 370н «Об утверждении Положения об осуществлении мониторинга формирования, экономического обоснования территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2015. – № 41. – 173 с.

7. Закон Краснодарского края от 21.12.2018 № 3929-КЗ «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Краснодарском крае на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Официальный сайт Законодательного Собрания Краснодарского края. Режим доступа: <http://www.kubzsk.ru/pravo>.

8. Эксперты ОНФ провели мониторинг доступности записи к узким специалистам в поликлиниках Кубани // Информационный ресурс Общероссийского народного фронта. Режим доступа:

<https://onf.ru/2018/10/29/eksperty-onf-proveli-monitoring-dostupnosti-zapisi-k-uzkim-specialistam-v-poliklinikah>.

9. О состоянии здоровья населения и организации здравоохранения Краснодарского края по итогам 2017 года: государственный доклад / Администрация Краснодарского края, Министерство здравоохранения Краснодарского края; под общей редакцией Е.Ф. Филиппова. – Краснодар: ГБУЗ МИАЦ – 171 с.

10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае за 2016 год // Сайт Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае. Режим доступа: <https://kubanombudsman.org/dokumenty-2/ezhegodnye-doklady>.

11. Амоян Э.Ф., Калинина В.А. Оптимизация использования медицинского оборудования в лечебно-профилактических учреждениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11. – С. 590–591.

12. Письмо Министерства здравоохранения РФ № 14-0/10/2-2564, Федерального фонда обязательного медицинского страхования РФ № 7155/30 от 26.09.2012 // Здравоохранение. – 2013. – № 1.

13. Доклад Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае за 2015 год // Сайт Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае. Режим доступа: <https://kubanombudsman.org/dokumenty-2/ezhegodnye-doklady>.

14. World Health Organization. Global Health Expenditure Database. Режим доступа: https://www.who.int/health_financing/documents/health-expenditure-report-2018/en.

15. Постановление Правительства Москвы от 27.12.2018 № 1703-ПП (ред. от 12.03.2019) «О территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в городе Москве на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents>.

16. Постановление Правительства Еврейской автономной области от 05.03.2019 № 55-пп «Об утверждении Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам Российской Федерации на территории Еврейской автономной области медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Банк нормативных правовых актов в Российской Федерации. ФБУ НЦПИ при Минюсте России. – Режим доступа: <http://pravo.minjust.ru>.

17. Постановление Правительства Пермского края от 02.02.2019 № 48-п «Об утверждении Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // Банк нормативных правовых актов в Российской Федерации. ФБУ НЦПИ при Минюсте России. – Режим доступа: <http://pravo.minjust.ru>.

18. World Health Organization. Статистические данные. Латвия. – Режим доступа: <https://www.who.int/countries/lva/ru>.

19. Social Health Insurance Systems in Western Europe / Saltman R. B., Busse R., Figueras J. (eds): European Observatory on Health Care Systems Series. Open University Press, McGraw-Hill Education. London.

20. Лечебные учреждения Краснодара // ООО «МедРейтинг». – Режим доступа: <https://prodoctorov.ru/krasnodar/lpu>.

21. Митрахович А.С. К вопросу о последствиях юридических фактов // Современная научная мысль. – 2016. – № 6.

22. Долгопят А.О. Понятие и значение принципа законности // Современная научная мысль. – 2015. – № 1.

23. Бюджет Краснодарского края на 2019 год принят с профицитом в 1 млрд рублей // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5900251>.

24. Delivering quality health services: a global imperative for universal health coverage. World Health Organization, OECD, and International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank, Geneva, Switzerland. 2.

25. Медведев А.В. Отдельные принципы охраны здоровья населения // Современная научная мысль. – 2017. – № 2.

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПОРУЧИТЕЛЕМ

Конарева Е.Е., студент

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург

Сложно представить стабильный гражданский оборот без института обеспечения исполнения обязательства. Необходимость применения данной конструкции обуславливается тем, что кредитор, за-

интересованный, во-первых, в исполнении обязательства должником надлежащим образом, а, во-вторых, в наличии реальной возможности возмещения своих убытков в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, доверяет должнику, обязавшемуся исполнить обязательство. Именно в целях упрочнения этого доверия используется обеспечение.

Поручительство является древнейшим цивилистическим институтом, возникшим ещё в римском праве, однако, не теряющим своей актуальности и в современном гражданском праве. В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее также – ГК РФ, Кодекс) поручительство является одним из способов обеспечения исполнения обязательств (§5 главы 23).

Вместе с тем, противоречивость законодательного регулирования данного института приводит к возникновению практических проблем, в том числе связанных и с исполнением обязательства поручителем. Постановление Пленума ВАС № 42 от 12.07.12 г. «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (далее также – Постановление), призванное устранить отсутствие единообразного применения и толкования норм о поручительстве, действительно, внесло ясность в регулирование данного института. Однако, на мой взгляд, некоторые проблемные вопросы, связанные с исполнением обязательства поручителем, остались либо полностью неурегулированными, либо не до конца раскрытыми. Кроме того, с момента опубликования Постановления прошло значительное количество времени, в течение которого гражданский оборот в России усложнился и изменился. Всё это привело к тому, что на данный мо-

мент законодательное регулирование поручительства остается противоречивым.

В данной исследовательской работе, опираясь на судебную практику, я попытаюсь найти ответы на актуальные и во многом спорные вопросы, связанные с исполнением обязательства поручителем.

1. Залог и поручительство.

Довольно интересной и непростой представляется ситуация, связанная с неполным исполнением основного обязательства поручителем, так как в данном случае возможно столкновение интересов такого поручителя и кредитора-залогодержателя.

Согласно пункту 1 статьи 365 ГК РФ к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора. То есть переход к поручителю прав кредитора по основному обязательству, прав, обеспечивающих исполнение основного обязательства, а также других связанных с требованием прав следует за исполнением поручителем требования кредитора. Но если требование кредитора при этом будет удовлетворено в части, то и права кредитора перейдут к поручителю в соответствующей части.

Возможность частичного исполнения обязательства поручителем вытекает из самого текста закона и может быть обусловлена различными причинами, которые по общему правилу никак образом на переход и объем прав, переходящих к поручителю, не влияют.

Таким образом, при переходе прав кредитора к поручителю лишь в определенной части возникает множественность лиц на стороне кредитора – поручитель и первоначальный кредитор становятся сокредиторами должника. Вместе с тем, согласно прямому указанию закона кредитор и поручитель, частично исполнивший обязательство, становятся созалогодержателями.

Однако переход к поручителю прав залогодержателя заставляет первоначального кредитора и нового кредитора конкурировать между собой. В такой ситуации возникают вопросы, касающиеся порядка и условий обращения взыскания на имущество, определения начальной продажной цены, порядка проведения торгов, размера удовлетворения, которое получит каждый из сокредиторов за счет имущества должника, обеспечивающего исполнение обязательства должника и т. п. [8].

Известно, как минимум, два подхода для разрешения противоречий между правами первоначального кредитора и правами поручителя. Первый подход предполагает равное право первоначального и новых кредиторов на удовлетворение их требований за счет заложенного имущества (а также за счет иного имущества должника). Часть 2 статьи 335.1 ГК РФ устанавливает общее правило, согласно которому солидарные или долевые кредиторы по обязательству, обеспеченному залогом, являются солидарными созалогодержателями по такому залого. В такой ситуации, если один из созалогодержателей потребовал исполнения обязательства по залого, то закон позволяет и другим участникам потребовать досрочного исполнения обязательства от должника. Кроме того, по общему правилу, денежные суммы,

вырученные от реализации предмета залога, распределяются между созалогодержателями, являющимися долевыми кредиторами по основному обязательству, пропорционально размерам их требований, обеспеченных залогом.

На первый взгляд кажется, что принцип равного права сокредиторов на удовлетворение их требований в значительной мере способствует честному разрешению возникших противоречий: каждый из сокредиторов получает удовлетворение соразмерно своему требованию. Однако такой подход не лишен недостатков: применяя его, мы не принимаем во внимание обеспечительную природу поручительства и залога, которая заключается в предоставлении первоначальному кредитору дополнительных гарантий исполнения обязательства должника поручителем и (или) залогодателем.

Если мы будем последовательно придерживаясь первого подхода, то должны прийти к весьма странному выводу. Поручитель, части удовлетворивший требования кредитора, становится сокредитором и созалогодержателем наряду с этим же самым кредитором, и получает право на возмещение исполнения, которое он ранее уже произвел в пользу последнего. При неплатежеспособности должника и недостаточности у него имущества для погашения требований первоначального кредитора, такое возмещение происходит, в том числе, за счет имущества, из стоимости которого должны подлежать исполнению требования первоначального кредитора, а новые кредиторам при этом возвращается обратно то, что они ранее уплатили первоначальному кредитору, исполнения своих же обеспечительные обязательства перед ним. Получается, что поручительство и залог при таких об-

стоятельствах являются обеспечением на случай платежеспособности должника. В противном случае поручителю возвращается то, что он ранее выплатил в пользу кредитора. Учитывая все вышесказанное, нужно констатировать, что существование у поручителя прав, позволяющих ему на равных соперничать с первоначальным кредитором и претендовать за его счет на возврат исполненного им же в рамках обеспечительных обязательств, не соответствует цели поручительства и залога как способов обеспечения исполнения обязательств.

Второй подход предполагает закрепление за первоначальным кредитором преимущественного права на удовлетворение его требований из стоимости предмета залога. Так, в абзаце 1 пункта 30 Постановления со ссылкой на пункт 1 статьи 365 ГК РФ Суд признал, что «к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том числе, если поручитель произвел исполнение обязательства за должника лишь в части. В последнем случае кредитор и поручитель становятся созалогодержателями, имеющими равные права на удовлетворение своих требований из стоимости заложенного имущества». Однако наибольшего внимания заслуживает второй абзац пункта 30, в котором высшая судебная инстанция изменяет общие последствия созалогодержания: «Вместе с тем судам необходимо принимать во внимание обеспечительный характер обязательства поручителя. Поэтому поручитель не может осуществить перешедшее к нему право во вред кредитору, получившему лишь частичное исполнение (например, препятствовать обращению взыскания на предмет залога и т.п.). Кредитор, напротив, может са-

мостоятельно осуществлять свои права в отношении остальной части своего требования преимущественно перед поручителем».

А в 2015 году статья 364 ГК РФ была дополнена положением о том, что поручитель, ставший созалогодержателем, не может вредить кредитору. Однако чрезвычайно важным в появившемся 4 пункте статьи 364 ГК РФ является следующее утверждение: если поручитель частично исполнил обязательство и к нему перешли права залогодержателя (он стал созалогодержателем), то он не имеет права на получение денежных средств, вырученных с продажи предмета залога, до тех пор, пока требование кредитора не будет полностью удовлетворено.

Таким образом, к поручителю переходят также права первоначального кредитора, обеспечивающие исполнение основного обязательства, в том числе права, принадлежащие первоначальному кредитору как залогодержателю. Однако поручитель, являясь созалогодержателем наряду с первоначальным кредитором, не имеет равного с первоначальным кредитором права на удовлетворение требований за счет имущества, обеспечивающего исполнение обязательства. Поручитель не имеет права на удовлетворение своего требования к должнику из стоимости предмета залога или иного обеспечения до того момента, пока требования первоначального кредитора не будут полностью удовлетворены.

Складывается очень интересная ситуация, при которой вопреки классическому пониманию созалогодержания кредитор все же сохраняет преимущество перед поручителем в части удовлетворения оставшейся части требования к должнику.

2. Исполнение поручителем неденежного обязательства.

Поручительство по своей природе, прежде всего, является способом обеспечения исполнения денежных обязательств. Однако это не препятствует обеспечению поручительством обязательств неденежного характера, так как по данным обязательствам у кредитора могут возникать денежные требования к должнику: о возмещении убытков, взыскании неустойки, возврате аванса и т.п.

Данный вывод находит свое отражение в содержании статьи 361 Гражданского кодекса РФ: по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части; договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и неденежных обязательств.

Несмотря на то, что при определении содержания обязательства из поручительства, закон использует термины, отсылающие к нормам об ответственности – поручитель обязуется «отвечать за исполнение» основного обязательства должником, – обязанность поручителя не может считаться ответственностью в строгом смысле этого слова. Это связано с тем, что, не являясь стороной в обеспеченном обязательстве, поручитель не может быть и субъектом ответственности за его нарушение. Действительное содержание обязанностей поручителя сводится поэтому к тому, чтобы принять на себя имущественные последствия нарушения должником основного обязательства. Поручитель исполняет своё собственное обязательство, содержание и основания возникновения которого не совпадают с содержанием и основаниями основного, но размер исполнения по которому в силу его

акцессорности задаётся размером исполнения по основному обязательству.

Возникает вопрос: вправе ли кредитор по неденежному обязательству требовать от поручителя его исполнения, так как в соответствии со статьей 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется в том числе путем присуждения к исполнению обязанности в натуре?

Данный вопрос требует отрицательного ответа. Так, пункт 1 Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» от 12.07.12 №42 гласит, что в соответствии со статьей 361 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Однако судам следует иметь в виду, что обязательство поручителя по общему правилу исполняется им в денежной форме. Однако это не препятствует обеспечению поручительством обязательств по передаче товара, выполнению работ, оказанию услуг, воздержанию от совершения определенных действий и т.п., поскольку у кредитора по этим обязательствам при определенных обстоятельствах (например, при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обязательства) могут возникать денежные требования к должнику: о возмещении убытков, взыскании неустойки, возврате аванса и т. п.

В развитие данного положения в пункте 12 Постановления Пленума ВАС РФ № 42 подчеркивается, что поручитель не является содолжником в обеспеченном обязательстве, соответственно, предъявленный ему в случае просрочки должника иск о понуждении к ис-

полнению обеспеченного обязательства в натуре не подлежит удовлетворению. Однако поручитель не лишен права предложить кредитору надлежащее исполнение неденежного обязательства за должника по правилам пункта 1 статьи 313 ГК РФ.

Иными словами, если, например, должник оказался неспособен поставить кредитору некий товар, то за него это вправе сделать поручитель, руководствуясь правилом об исполнении обязательства третьим лицом. Кредитор обязан принять товар, но не вправе требовать его поставки от поручителя.

Тем самым, Высшим Арбитражным Судом РФ была предложена конструкция, аналогичная факультативным обязательствам, которые были закреплены в ГК РФ значительно позже.

В указанном выше постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ дана правовая оценка договору, который может быть заключен между должником и поручителем. Она состоит в том, что для отношений поручителя с кредитором этот договор значения не имеет, а потому его расторжение, признание недействительным или незаключенным не влечет прекращения поручительства.

Кроме того, вне правового поля лежат экономические интересы поручителя и должника, побудившие их вступить в связанный с поручительством договор: их последующее отпадение не влечет прекращения поручительства.

Как представляется, указанное разъяснение Суда справедливо, поскольку пункт 3 статьи 367 ГК РФ предусматривает прекращение поручительства, если кредитор отказался принять надлежащее исполнение, предложенное должником или поручите-

лем (соответственно, Гражданский кодекс допускает возможность исполнения непосредственно поручителем обеспечиваемого им обязательства за должника).

Таким образом, поручительство может выдаваться для обеспечения неденежного обязательства, однако поручитель не может быть понужден к исполнению обязательства в натуре, а обязан уплатить денежную сумму, соответствующую имущественным потерям кредитора. Однако поручитель не лишен права исполнить обязательство должника перед кредитором в натуре при соблюдении правил, указанных в статье 313 ГК РФ (исполнение обязательства третьим лицом).

3. Исполнение обязательства при сопоручительстве.

В договоре поручительства на стороне поручителя может быть не одно, а несколько лиц. Такая множественность на стороне поручителя называется сопоручительство. При данной ситуации возникает много практических проблем, требующих своего разрешения.

Долгое время положения Кодекса о сопоручительстве были сформулированы крайне лапидарно: закон говорил лишь, что сопоручители отвечают перед кредитором солидарно. Однако возникает вопрос о правовых последствиях исполнения обязательства одним из сопоручителей, который будет решаться в зависимости от того, как было выдано сопоручительство.

Так, возможны две модели сопоручительства: совместное и раздельное. Первая модель сопоручительства нашла свое отражение в пункте 3 статьи 363 ГК РФ, из которого следует, что лица, совместно давшие поручительство, отвечают перед кредитором солидарно, если

иное не предусмотрено договором поручительства. Основопологающим критерием для квалификации сопоручительства как совместного выступает направленность воли поручителей. Позиция Высшего Арбитражного Суда РФ по данному вопросу была сформирована в п. 27 Постановления, согласно которому поручительство нескольких лиц может быть квалифицировано как совместное, только если будет установлено наличие соответствующего волеизъявления указанных лиц, направленного именно на совместное обеспечение обязательства. Таким образом, под совместным поручительством следует понимать случай, когда сразу несколько лиц принимают на себя обязанности сопоручителей в рамках одного и того же обеспечивающего обязательства. Такое увеличение числа должников в обязательстве из поручительства способствует возрастанию шансов кредитора на удовлетворение своих требований в полном объеме.

Возникает вопрос: может ли такой сопоручитель потребовать возмещения уплаченной кредитору суммы с остальных сопоручителей и в каком объеме? В соответствии с принципом «раскладки», основанном на положении пункта 1 статьи 325 ГК РФ, должник, исполнивший солидарную обязанность в полном объеме, имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях, за вычетом доли, падающей на него самого. При этом сопоручители, которые возместили причитающееся уплатившему сопоручителю, в порядке суброгации получают требование к должнику в соответствующей сумме.

Кроме того, пункт 3 статьи 363 ГК РФ прямо закрепляется правило, согласно которому сопоручитель, исполнивший обязательство,

имеет право потребовать от других лиц, предоставивших обеспечение основного обязательства совместно с ним, возмещения уплаченного пропорционально их участию в обеспечении основного обязательства.

В пункте 27 Постановления данный принцип также нашел свое отражение: если обязательство перед кредитором будет исполнено одним из лиц, совместно давших поручительство, к нему переходит требование к должнику. Сопоручитель, исполнивший обязательство по договору поручительства, может предъявить к должнику требование об исполнении обязательства, права по которому перешли к сопоручителю в соответствии с абзацем четвертым статьи 387 ГК РФ. До исполнения должником обязательства сопоручитель, выполнивший условия договора поручительства, вправе предъявить регрессные требования к каждому из других сопоручителей в сумме, соответствующей их доле в обеспечении обязательства. Названные доли предполагаются равными (подпункт 1 пункта 2 статьи 325 ГК РФ), иное может быть предусмотрено договором о выдаче поручительства или соглашением сопоручителей. При этом доля поручителя, признанного банкротом, распределяется на остальных сопоручителей (статья 325 ГК РФ). К сопоручителям, уплатившим свои доли полностью или в части, переходит требование к должнику в соответствующей части.

Уплата должником всей суммы долга сопоручителю, полностью исполнившему договор поручительства, по смыслу статьи 329 ГК РФ прекращает его регрессные требования к другим сопоручителям.

Иная концепция множественности в поручительстве – это раздельное сопоручительство, когда воля поручителей не направлена на

установление совместного обеспечения долга должника. В таком случае имеет место простая сумма нескольких поручительств разных лиц, выданных в обеспечение одного и того же обязательства. Как уже было сказано, воля таких лиц направлена не на то, чтобы обязаться по принципу «один за всех, и все за одного», а, напротив, состоит в том, чтобы каждый исполнял своё обязательство независимо от других. Ряд цивилистов считают, что данный вид сопоручительства отличается не только отсутствием волеизъявления поручителей, направленного именно на совместное обеспечение обязательства, но и наличием разных договоров поручительства, заключенных в разное время. Однако необходимо отметить, что для определения того, является поручительство совместным или раздельным, недостаточно установить был заключен один или несколько договоров поручительства, а в каждом конкретном случае необходимо установить все обстоятельства, при которых было дано поручительство несколькими лицами.

Раздельные сопоручители несут ответственность перед кредитором отдельно друг от друга, но каждый из них несет с должником солидарную (по общему правилу) ответственность перед кредитором по обеспеченному обязательству.

И все же главный вопрос различия между совместным и раздельным сопоручительствами содержится в следующем: при раздельно данном сопоручительстве необходимо применять принцип «раскладки» долга, возникающего из обеспечительного обязательства, или же необходимо действовать иным образом? На мой взгляд, ответ на данный вопрос можно найти в судебной практике.

При рассмотрении Президиумом ВАС дела № А40-134929/10-97-1126 коллегия судей обратилась к проблеме механизма предъявления одним из отдельных сопоручителей требований к другим сопоручителям. Согласно фабуле дела банк и завод заключили кредитный договор, исполнение которого было обеспечено тремя отдельными поручительствами. Более того, банк заключил с одним из поручителей договор залога, обеспечивающий возврат выданного кредита. С согласия кредитора – залогодержателя предмет залога – недвижимое имущество – был продан третьему лицу, который впоследствии был признан банкротом. При рассмотрении дела о банкротстве предмет залога был реализован, а вырученная с продажи сумма передана кредитору-залогодержателю. При этом к залогодателю – третьему лицу в порядке суброгации перешли права банка как кредитора по обеспеченному залогом обязательству завода (должника).

Конкурсным управляющим банкрота-залогодателя был заключен договор поручительства обществом «ЖилИнвест», по которому последнее также дало поручительство за возврат заводом кредита, полученного от банка. Впоследствии общество «ЖилИнвест» исполнило обязательство по договору поручительства, выплатив кредитору причитающуюся денежную сумму. Вследствие этого «ЖилИнвест» обратилось в суд, который ранее удовлетворил исковое заявление банка о солидарном взыскании с должника и трех поручителей суммы долга, с иском о процессуальном правопреемстве.

Но судебные органы трех инстанций не согласились с обществом «ЖилИнвест» и отказали в удовлетворении заявления. Суды посчитали, что требование по возврату кредита прекратилось в связи с

удовлетворением банка-залогодержателя в порядке рассмотрения дела о банкротстве, а у залогодателя (и впоследствии общества «ЖилИнвест») возникло новое регрессное требование, которое должно быть рассмотрено в отдельном порядке.

Однако Президиум ВАС РФ не принял такой подход судов к правам залогодателя – третьего лица, за счет имущества которого был удовлетворен кредитор. Высший суд указал, что при таких обстоятельствах имеет место переход требования кредитора к залогодателю, а не возникновение нового требования залогодателя к должнику (регрессный подход). Кроме того, Суд отметил, что в порядке суброгации к новому кредитору переходят и дополнительные права, которые имелись у первоначального кредитора.

Анализируя обстоятельства данного дела, Суд заключил, что у поручителя, исполнившего договор поручительства, есть требования ко всем другим поручителям, обеспечившим обязательство должника. Однако стоит отметить, что в Постановлении по данному делу Судом вообще не был рассмотрен вопрос о том, какова сумма этих требований: в долях или в полном объеме.

Окончательно вывод о том, какой же механизм предъявления требований исполнившим обязательство поручителем к другим поручителям должен действовать в случае раздельного сопоручительства был сформулирован в пункте 28 Постановления. Принцип «раскладки» уплаченного в долях на других сопоручителей (как при совместном сопоручительстве) Судом не был принят. Пленум ВАС РФ обратил внимание, что при раздельно данном сопоручительстве со-

лидарно обязанными являются не сопоручители, а каждый из поручителей с должником.

В наше время договорные отношения составляют основу гражданского оборота. Для предотвращения возможных негативных последствий, связанных с нарушением обязательств, гражданским законодательством предусмотрена система специальных обеспечительных мер, одной из которых является поручительство.

Поручительство, являясь одним из древнейших способов обеспечения исполнения обязательств, широко применяется в современном гражданском обороте. И это не удивительно, ведь при поручительстве к имуществу должника по обеспеченному обязательству «присоединяется» имущество поручителя, а это экономически привлекательно для кредитора.

Несмотря на то, что поручительство довольно полно законодательно регламентировано и доктринально исследовано, сегодня можно встретить как неразрешенные в законе, так и дискуссионные в науке вопросы, требующее более глубокого изучения, в частности вопросы о правовой природе поручительства, о порядке исполнения и прекращения обязательства поручительства и др. Кроме того, многие положения, выработанные судебной-арбитражной практикой, требуют детального теоретического анализа.

В данной работе автором были исследованы некоторые неоднозначные и дискуссионные вопросы теоретического и практического характера, связанные с исполнением обязательства поручителем.

На мой взгляд, разрешение указанных и многих других проблем института поручительства позволит не только постичь правовую

природу поручительства как одного из основных способов обеспечения исполнения обязательства, но и повысить эффективность использования института поручительства в гражданском обороте.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 05 декабря 2017 по делу № 33-12333/2017.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: Проспект, 2017. – 624 с.

3. Договорное и обязательственное право (общая часть): поста-тейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Рос-сийской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.

4. Постановление Пленума ВАС № 42 от 12.07.12 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством».

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 июля 2012 г. № 1964/12 по делу № А40-134929/10-97-1126.

6. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18 октября 2013 г. № Ф09-11050/13 по делу № А07-22380/2012.

7. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Прези-денте РФ, Рос. школа частн. права. – М.: Статут, 2016. – 336 с.

8. Turitsyn D. Disputes on the issues of insurance of ships with participation as a party a legal entity of a foreign state: from the practice of Russian courts // Australian Journal of Maritime and Ocean Affairs. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 230–239.

ФЕНОМЕН ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Конеева А.Р., магистрант

Юридический институт

Пятигорского государственного университета,

г. Пятигорск

Развитие информационных технологий достигло такого уровня, что в дополнение к техническим оно поднимает философские, моральные и юридические проблемы, которые выходят за рамки обычного понимания компьютерного оборудования и программного обеспечения. Кроме того, интенсивность развития кибернетических открытий расширяет возможности общества понимать и адаптировать свои системы ценностей и правовые системы к сделанным открытиям [17]. Одной из наиболее перспективных областей является технология искусственного интеллекта, в том числе «стабильные нейронные сети и инфраструктура облачных вычислений, нечеткие системы, управление энтропией, исследование темноты, эволюционные вычисления и многие другие [15]. Как видим, понятия всегда применяются

к компьютерным технологиям, которые касаются живых существ и, прежде всего, людей.

Отсюда в IT-среде уже ставится вопрос о необходимости и допустимости защиты прав ИИ, решая, в том числе, вопрос о содержании таких прав (например, право на невыключение, на защиту от перепрограммирования и т. д.).

И такие вопросы сегодня не кажутся странными, поскольку одна из современных технологий «нейронной сети» обладает свойством, которое раньше считалось прерогативой человеческого мозга – способность к принятию самостоятельных (прямо не предусмотренных первоначальным алгоритмом) решений на основании самообучения с учетом предыдущего опыта. Свое название технология получила из-за структурного сходства с биологической нейронной сетью, поскольку также состоит из отдельных вычислительных элементов – нейронов, сгруппированных в несколько слоев. Каждый из нейронов содержит определенную информацию, которая в зависимости от полученных результатов может впоследствии меняться. Данные, поступающие в нейронную сеть, последовательно проходят через всю систему нейронов, где обрабатываются с целью получения выходных данных [6; с. 7–8].

Наиболее важными вопросами, стоящими сегодня перед учеными-правоведами и законодателями в сфере гражданско-правового регулирования – вопрос об ответственности за вред, причиненный ИИ, и о принадлежности авторства на созданные роботом объекты, формально отвечающим признакам объекта интеллектуальной собственности.

«Искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, биоэлектронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых ёмкостей и быстродействия, обладающая:

- свойствами субстантивности (включая определённую субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности,

- высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем.

В качестве одного из вариантов решения обозначенных ранее проблем предложена концепция «электронного лица», нашедшая отражение как в официальных документах (European Parliament resolution, (2015/2103(INL)б 16.2.2017), так и в работах отечественных ученых-цивилистов [2].

Рассмотрим возможности признания ИИ субъектом граждан-

ских правоотношений с точки зрения классической теории правосубъектности.

Для признания участником юридического отношения, лицо должно обладать правосубъектностью (Gongalo В М et al., 2018), которая, в свою очередь, включает правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. В гражданском праве выделяется 3 вида субъектов: физические лица, юридические лица и публично-правовые образования и их правосубъектность различна. Так, физические лица обладают равной гражданской правоспособностью с рождения, правоспособность юридических лиц и публично-правовых образований – целевая. Правоспособность традиционно рассматривается как возможность приобретать и осуществлять субъективные права. Как указывает Л.А. Чеговадзе, определяющее значение здесь «имеют индивидуальные потребности субъекта, определяющие основные компоненты социально-психологической регуляции его поведения: интерес, цели, мотивы, волю, социально-правовые установки» (СЧеговадзе, 2004). При этом одним из основных начал гражданского законодательства является принцип действия своей волей и в своём интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Однако законодатель не раскрывает ни понятие «воля», ни понятие «интерес».

Воля является не только юридической, но и психологической, и философской категорией, понимается в рамках этих наук как «способность человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением» (Wikipedia «Will (psychology)»), «феномен регуляции субъектом своей деятельности и поведения; отвечает за созда-

ние (формирование) целей и концентрацию внутренних усилий на их достижение» (Wikipedia «Will (philosophy)»). При этом воля рассматривается как процесс, деятельность, указывающий на активность субъекта, и противопоставляется импульсивной, неосмысленной реакции. Действия людей – физических лиц, всегда в психологическом смысле являются волевыми.

Можно ли признать волевой компонент, как мыслительный и осознанный процесс, в функционировании ИИ. В начале статьи мы выяснили, что одной из основных юридически значимых его характеристик мы обозначили автономность, вплоть до свойства принимать самостоятельные решения и, опираясь на результат таких решений, самообучаться и в аналогичных ситуациях применять различный алгоритм действий. Однако решение этого вопроса выходит за пределы гражданского права и требует серьезного философского исследования мышления, осознанности (Arkhipov and Naumov, 2017). И.В. Понкин и А.И. Редькина также указывают на затруднительность определения уровня осознанности ИИ ввиду отсутствия определённого понимания такого явления, как сознание (Ponkin and Redkina, 2018). Авторы говорят о значимости такой категории как самосознание для решения о правосубъектности ИИ, и отрицают возможность такой его характеристики. Однако, как указывают сами авторы далее, искусственный интеллект создает «беспрецедентно много неопределённостей» (Ponkin and Redkina, 2018), связанных с прогнозированием развития этой технологии и возможными рисками. Кроме того, у нас отсутствуют какие-либо релевантные признаки самосознания, которые позволили бы определить его наличие и уровень у ИИ.

Поэтому волевой компонент в функционировании ИИ мы можем оценить по формальным признакам. Подробный разбор проведён В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым и мы соглашаемся с их выводом, что в своём внешнем проявлении функционирование ИИ «совпадает с процессом формирования гражданско-правовой воли у человека» и может быть признано волевым. В свою очередь воля рассматривается в двух аспектах: внутреннем и внешнем, где внутренний представляет собой некий психологический процесс (Ryzhenkov, 2014), протекающий, соответственно, в психике. И тут мы снова сталкиваемся с необходимостью исследований ИИ за рамками предмета гражданского права и права в целом. Однако признание наличия психологических процессов у феномена (объекта), не имеющего биологического происхождения, представляется недопустимым, по крайней мере, сейчас.

Но имеет ли значение воля как внутренний психический процесс, если мы не имеем возможности достоверно оценить течение и результат этого процесса, а сталкиваемся в реальности с внешним проявлением воли – волеизъявлением. Часть ученых-цивилистов указывают на отсутствие правового значения воли как психического феномена, поскольку последний становится частью правовой действительности через внешнее её выражение (Gambarov, 2003). Такая точка зрения вызывает существенные возражения. Так, несоответствие действий лица (волеизъявления) его действительной воле а, соответственно, и интересу, лежащему в его основе (о чём мы скажем далее), является нарушением принципа гражданского права, закреплённого в п. 2 ст. 1 ГК РФ. Кроме того, закон прямо закрепляет такое несоответ-

стве в качестве основания признания недействительной сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), а также обмана, насилия или угрозы (ст. 179 ГК РФ). Следовательно, воля как внутренний процесс имеет существенное юридическое значение и является неотъемлемой частью дееспособности – то есть способности своими действиями приобретать и осуществлять права и исполнять обязанности.

Что касается категории «интерес», употребляемой в ст. 1 ГК РФ, не вдаваясь в длительное его изучение, констатируем, что в данном случае речь идёт о законном интересе как психологическом феномене, не противоречащем закону и принципам права, и принадлежащем субъекту (Ryzhenkov, 2014). Юридический интерес с точки зрения теории гражданского права является целью и предпосылкой субъективного права (Bratus, 1950); необходимым структурирующим элементом гражданского правоотношения, в зависимости от которого «возникают и организуются гражданские права и обязанности» (Iurchenko, 2005) и в отличие от иных психологических феноменов (например, желаний) содержит в себе целевой элемент. Обладает ли искусственный интеллект самостоятельным интересом? Безусловно, нет. Искусственный интеллект, являясь, по сути, программой для ЭВМ, соединённой или размещённой в компьютере или ином аппаратном механизме, созданная человеком с определённой целью и удовлетворения определённых потребностей человека. Соответственно, правовой защите будут подлежать именно интересы лица, приобретающего и / или использующего искусственный интеллект.

Из содержания законов следует, что разработчиками и другими

уполномоченными лицами должны предприниматься все необходимые меры, обеспечивающие в процессе функционирования ИИ интересы человека.

И ещё одним неотъемлемым элементом правосубъектности является деликтоспособность как способность нести ответственность за правонарушения. «Гражданско-правовая ответственность - это обеспеченное государственным принуждением возложение предусмотренных законом или договором лишений имущественного характера на лицо, совершившее неправомерное действие» (Gongalo et al., 2018). Как и любая юридическая ответственность, правонарушение всегда предполагает наличие вины, как его субъективной стороны. Как указывают Д.А. Пашенцев и В.В. Гарамита, «вина представляет собой сознательное и осознанное психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату, проявляющееся в пренебрежении или безразличии к интересам государства и общества и, соответственно, в выборе противоправного, антисоциального варианта поведения. Помимо этого, составляющей вины выступает отношение самого общества к правонарушителю и его поведению, однако приоритет при характеристике вины отдается первому признаку» (Pashentsev and Garamita, 2010). Данный подход в целом соответствует тому пониманию вины, которое имеется в науке гражданского права. Очевидно, определение виновности субъекта неизбежно связано с категориями осознанности и психического отношения. Как было указано ранее, первое не представляется возможным достоверно установить ввиду отсутствия необходимых инстру-

ментов, а второе в следствие отсутствия психики у ИИ нами отрицается.

Таким образом, очевидна несостоятельность предложения признания за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица.

Одним из субъектов гражданского права является юридическое лицо, которое, как и искусственный интеллект, на первый взгляд, не обладает рассмотренными нами характеристиками. В связи с этим возникает представление, что теория юридического лица вполне может быть применима к искусственному интеллекту. Такую попытку сделали В.В. Архипов и В.Б. Наумов, разработав концепцию законопроекта о робототехнике (Arkhipov and Naumov, 2017). В качестве первоочередных мер в сфере правового регулирования ИИ (робототехники), авторы предлагают дополнить Подраздел 2 «Лица» Гражданского кодекса РФ Главой 5.1 «Роботы-агенты», используя при разработке, по признанию самих авторов, теорию фикции юридического лица. При всём уважении к проделанной учёными работе, следует отметить, что предложенные проектные положения в большей степени характеризуют роботов-агентов в качестве объектов гражданских правоотношений, чем в качестве их участников. В частности, упоминаются собственник и владелец робота-агента, при этом под владельцем понимается «юридическое лицо, гражданина или иной робот-агент, которые используют такого робота-агента на праве собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, аренды или других законных основаниях». Данная норма однозначно характеризует робота-агента как объект вещных прав. Авторами за ро-

ботом-агентом сохраняется правовая природа имущества и устанавливается ответственность собственников и владельцев роботозащитных агентов за «действия» последнего в соответствии со ст. 1079 ГК РФ (Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих). Подобные нормы однозначно указывают на недопустимость включения положений о роботах, обеспеченных программами ЭВМ, обладающих признаками ИИ, в подраздел о лицах.

Почему же авторам не удалось воплотить концепцию правосубъектности ИИ и пришлось регулировать его правовой режим, как объекта гражданских прав?

Представляется, что помехой к тому является та самая интеллектуальная, когнитивная автономия ИИ, которая и привела к активному обсуждению в юридической науке возможности отнесения его к субъектам права.

В свою очередь, искусственный интеллект на определённом этапе функционирует без участия физических лиц, совершая определённые операции на основании новых, созданных им же, кодов, о которых может быть неизвестно ни разработчику, ни собственнику, ни владельцу или пользователю. Для юридического лица такая автономия от действий физических лиц нехарактерна. Соответственно, концепция юридического лица не подходит для формирования правовых норм об искусственном интеллекте.

С другой стороны, предложенные В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым разработки весьма эффективно могут быть использованы для формирования положений, позволяющих установить лицо,

ответственное за причинённый в процессе функционирования ИИ вред [3, с. 46–62].

Как следствие, концепция электронного лица на настоящем этапе развития законодательства в целом, и гражданского законодательства – в частности, не может быть реализована и является скорее не состоятельной.

Для решения проблемы ответственности за вред, нанесённый искусственным интеллектом, могут быть использованы уже имеющиеся механизмы. Первый и самый очевидный – признание деятельности, связанной использованием ИИ, источником повышенной опасности. Безусловно, нормы об источнике повышенной опасности потребуют адаптации. В частности, необходимо будет рассмотреть в качестве основания освобождения владельца источника повышенной опасности от ответственности не только в случае выбытия источника из его обладания в результате противоправных действий других лиц, но и в случае злонамеренного внесения изменений в программу ИИ или в случае допущенного разработчиками или производителями ошибок в производстве, приведших к ущербу.

Ещё одним механизмом, направленным на защиту имущественных интересов гражданского оборота является институт страхования. Законодательное установление обязанности собственника или владельца ИИ заключать договор страхования на случай нанесения ущерба в результате его функционирования позволит обеспечить гарантию защиты прав третьих лиц.

Что касается вопроса о правах на произведения науки, литературы и искусства и компоненты программ для ЭВМ, сгенерированные

искусственным интеллектом, то его разрешение видится нам в концепции юридического интереса. Поскольку искусственный интеллект, являясь, по сути, программой, созданной человеком, имеет определенную заданность – цель, свойство и т.д., позволяющие удовлетворить потребности лица, владеющего или пользующегося им или пользователя, то и права на такие произведения или компоненты программ должны признаваться за таким собственником или владельцем, пользователем.

Итак, предложенный нами подход решает вопрос имущественных прав на произведения робота, но не решает вопрос авторства на эти произведения. Разрешение этой проблемы видится более сложным, чем просто выбор субъекта, за которым будет признано авторство (или отсутствие такого субъекта, как предполагает концепт «исчезающего» (нулевого) авторства. В первую очередь, необходимо решить вопрос охраноспособности результатов, создаваемых системами ИИ, что предполагает отдельное развёрнутое изучение, которые мы оставим для дальнейших исследований.

Концепция электронного лица на настоящем этапе развития законодательства в целом, и гражданского законодательства – в частности, не может быть реализована и является скорее несостоятельной.

Для решения проблемы ответственности за вред, нанесённый искусственным интеллектом, могут быть использованы уже имеющиеся механизмы. Первый и самый очевидный – признание деятельности, связанной использованием ИИ, источником повышенной опасности. Ещё одним механизмом, направленным на защиту имуще-

ственных интересов гражданского оборота является институт страхования.

Что касается вопроса о правах на произведения науки, литературы и искусства и компоненты программ для ЭВМ, сгенерированные искусственным интеллектом, то его разрешение видится нам в концепции юридического интереса: закрепление прав (кроме авторства) на такие результаты за лицом, в чьих интересах функционирует искусственный интеллект.

Для решения о возникновении авторских прав на такие результаты требуется проведение отдельного развёрнутого исследования.

Литература

1. Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) Committee on Legal Affairs (31.5.2016), <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-582.443+01+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения 25 декабря 2018 года).

2. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения 25 декабря 2018 года).

3. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России

закона о робототехнике. – Тр. СПИИРАН, 2017. – Выпуск 55. – С. 46–62.

4. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – Т. 1.

6. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.

7. Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. – 2016. – Вып. 10. – С. 63–72.

8. Морхат П.М. Правосубъектность ИИ в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дисс. ... доктора юридических наук. – М., 2018.

9. Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве: монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010.

10. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 1. – Т. 22. – С. 91–109.

11. Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью ИИ: особенно-

сти правового режима в России и за рубежом // Закон. – 2018. – № 5. – С. 63–71.

12. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.

13. Рыженков А.Я. Действие своей волей и в своём интересе как принцип гражданского законодательства // Юрист. – 2014. – № 16. – С. 16–21.

14. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами ИИ: Дисс. ... кандидата юридических наук – М., 2018.

15. Турицын Д.А. Заключение контракта купли-продажи по Венской конвенции 1980 года: оферта и акцепт // Современная научная мысль. – 2018. – № 3. – С. 200–204.

16. Хель И. Если машины могут думать, заслуживают ли они гражданских прав? <https://hi-news.ru/robots/esli-mashiny-mogut-dumat-zasluzhivayut-li-oni-grazhdanskix-prav.html> (дата обращения 25.12.2018).

17. Шевченко А.И. Философское понимание права с позиции информатизации в правовом пространстве / А.И. Шевченко // Информация как объект гражданских прав предпринимателей. Материалы Международной научно-практической конференции. Сборник статей. Ответственные редакторы Г.Ф. Гараева, Т.И. Султонова, М.Е. Бегларян. – 2018. – С. 122–125.

18.Юрченко О.О. Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: Дисс. .. канд. юрид. наук. – Тверь, 2005. – С. 43.

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

*Кочан И.С., студент, Меликян А.М., д.ю.н., профессор
Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир*

Купля-продажа – один из важнейших институтов гражданского права. Известная история правового регулирования данного договора насчитывает почти четыре тысячи лет. Впервые этот договор начал применяться еще во времена Римской империи. Основным смысл его заключался в обмене какими-либо ценными вещами (без использования денежных средств). В нашей стране договор купли-продажи изучается и рассматривается в рамках гражданского законодательства Российской Федерации.

Согласно статье 493 Гражданского кодекса по договору розничной купли-продажи товаров дистанционным способом, продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью,

на основании ознакомления покупателя с предложенным описанием товара каким-либо способом, исключающим возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении договора.

Из вышеуказанного определения можно сделать вывод, что предметом данного договора являются товары, приобретаемые для личного либо производственных целей, без их последующей перепродажи, исключительно для использования приобретателем.

Анализируемый договор является двусторонним, консенсуальным, возмездным, публичным, а также договором присоединения.

В двустороннем договоре у каждой из сторон есть и права, и обязанности. Такой договор порождает сложное (двустороннее) обязательство, в котором каждый из участников одновременно выступает в роли и кредитора, и должника. Например, основными обязанностями данного договора являются то, что одна сторона – продавец, обязуется предоставить другой стороне – покупателю в собственность вещь – товар, а другая сторона – покупатель обязуется уплатить ему за нее определенную денежную сумму – цену [4; 5; 10].

Отсюда также вытекает следующее условие договора дистанционной купли-продажи – это цена договора.

Цена продаваемого товара обычно определяется соглашением сторон, а если она по каким-то причинам не определена, то товар оплачивается по цене, которая взимается за аналогичные товары. Оплачивается товар непосредственно до или после передачи продавцом покупателю товара, либо через определенное время, либо

через определенное время, например, при продаже в кредит, либо в рассрочку.

Так, цена, это существенное условие, без которого не может обойтись ни один возмездный договор и в случае, если цена не указана, то обязанность оплаты все равно сохраняется. Поэтому при возникновении конфликта суд будет исходить из того, что при заключении договора стороны подразумевали, что исполнение договора будет оплачено по цене, взимаемых аналогичных товаров, работ или услуг.

Из вышеизложенного следует, что покупатель должен оплатить товар по цене, которая объявляется продавцом в момент заключения договора. Это правило действует, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства. Анализ п. 20 правил продажи товаров дистанционным способом, согласно которому договор считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения продавцом сообщения о намерении покупателя приобрести товар, позволяет сделать вывод, что договор розничной купли-продажи дистанционным способом является консенсуальным, то есть порождающим гражданские права и обязанности с момента достижения сторонами соглашения .

Сделка, в которой обязанности одной стороны совершить определенные действия соответствуют встречной, обязанность другой стороны по предоставлению материального или другого блага, назы-

вается возмездной. Следовательно, договор купли-продажи товаров дистанционным способом также является возмездным.

Анализ норм Гражданского кодекса позволяет прийти к выводу, что рассматриваемый договор также является публичным. На это указывает пункт 2 статьи 492 Гражданского кодекса, где договор розничной купли-продажи является публичным, то есть заключению договора купли-продажи минует публичная оферта товара (предложение) товара в его рекламе, каталогах и описаниях товаров, обращенных к неопределенному кругу лиц и содержащее все существующих условия договора.

Также следует отметить, что рассматриваемый договор является договором присоединения, поскольку покупатель присоединяется к условиям договора, указанному в каталоге, на сайте интернет-магазина и в других средствах осуществления дистанционной торговли, и не может их изменить. Из вышесказанного, следует, что у договора дистанционной купли-продажи существуют определенные особенности заключения данного договора.

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации «об утверждении правил продажи товаров дистанционным способом» при заключении договора купли продажи товаров дистанционным способом продавца и покупателя возникают определенные права и обязанности.

Так, в пункте 14 данного постановления сказано, что в случае если покупатель передает продавцу сообщение о своем намерении приобрести товар, в соответствие должно быть обязательно указано:

а) полное фирменное наименование (наименование) и адрес (места нахождения) продавца, фамилия, имя, отчество покупателей или указанного им лица (получателю), адрес, по которому следует доставить товар;

б) наименование товара, артикул, марка, разновидность, количество предметов, входящих в комплект приобретаемого товара, цена товара;

в) вид услуги (при предоставлении), время её исполнения и стоимость;

г) обязательство покупателя.

Если покупатель предлагает переслать ему товар почтовым отправлением в адрес до востребования, то на это необходимо разрешение продавца. Такое сообщение от покупателя правила продажи товаров дистанционным способом признают как один из тех моментов, с которого договор считается заключенным. Другой наиболее распространённый момент заключения дистанционного договора купли-продажи – момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека, либо иного документа, подтверждающего оплату товара.

Такие моменты заключения дистанционного договора купли-продажи закреплены в пункте 20 правил продажи товаров дистанционным способом, в котором есть следующая формулировка: дистанционный договор купли-продажи товаров считается заключенным с момента получения продавцом о намерении покупателя приобрести товар.

Однако у некоторых учёных по этому поводу есть иное мнение; например Е.А. Суханов, считает, что такой договор является реальным и должен считаться заключенным с момента передачи товара покупателю. Но данное правило не применяется к договору, который считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека или другого документа, подтверждающего оплату товара.

Такое обстоятельство имеет огромное значение для определения момента возникновения прав и обязанностей сторон по данному договору.

Согласно статье 454 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор купли-продажи – это такой вид договора, при котором одна сторона (продавец) обязуется передать товар в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять данный товар и уплатить за него определенную денежную сумму, так называемую цену [1]. Мы сталкиваемся с куплей-продажей практически каждый день: приобретая какое-либо движимое и недвижимое имущество (деньги, ценные бумаги, земельные участки, квартиры и многое другое). Таких примеров можно привести сколько угодно.

Традиционно под термином дистанционная торговля до недавних пор понималось только приобретение товаров по почте, при котором основным средством демонстрации товаров потребителю были в основном печатные каталоги. Но в последние несколько лет, в связи с появлением и стремительным развитием на рынке новых коммуникативных и интерактивных технологий, понятие

дистанционной торговли значительно расширилось. В наши дни компании, специализирующиеся на дистанционной торговле, применяют все возможные каналы передачи информации для большего отклика и удобства потребителей, включая Интернет, телевидение и возможности мобильной связи.

Субъектами данного договора являются продавец (лицо, которое продает вещь) и покупатель (лицо), которое готово приобрести данную вещь. В настоящее время договор купли-продажи является одной из самых популярных форм гражданско-правовых отношений.

С развитием информационных технологий на рынке (в том числе и российском) появляются ранее не известные способы продвижения и продажи товаров – продажа через так называемые телемагазины, а также через всемирную сеть интернет. С ростом электронных возможностей осуществления своих гражданских прав, становится актуальным вопрос о купле-продаже дистанционным способом, то есть посредством сети интернет.

Преподаватель кафедры частного права, Российского государственного гуманитарного университета, адвокат Московской областной коллегии адвокатов Зак Александр Юрьевич, объясняет возрастающую потребность применения дистанционной торговли, в частности, «обширной территорией и низкой плотностью населения страны, не позволяющие удовлетворить потребительский спрос посредством традиционной розничной торговли» [2]. Кроме того, достаточно большой перечень товаров распространяется через так называемую систему «многоуровневого маркетинга» (в России это явление больше известно, как «сетевой маркетинг»), который

представляет собой многоуровневую систему, позволяющую продвигать товары от производителя к конечному потребителю с помощью прямого контакта между ними.

Существенное изменение обстоятельств сама по себе не служит основанием для изменения договора, если им предусмотрена или из него вытекает иное. Поэтому нужно понимать, что при заключении договора Купли-продажи на длительный срок, указанный в нем цены являются твёрдыми и не подлежат изменению.

В каком случае каждая из сторон принимает на себя риск возможного повышения или понижения цен. Такое регулирование основано на том, что при заключении договора стороны определяют его условия исходя из рациональной оценки обстоятельств, в которых он будет исполняться.

Также при этом должны учитываться существующие обязательные правила, которые необходимо соблюдать при исполнении договора и при состоянии экономического рынка.

Например, предметом оценки могут быть материалы, сырьё, топливо и энергия, используемые при их изготовлении, стоимостью рабочей силы, налогообложения, размер размерных тарифов и т. д. учитывая такую оценку условия договора, отражает стремление сторон обеспечить баланс имущественных интересов сторон, но такой баланс также может быть нарушен любым изменением обстоятельств.

Однако только их существенное изменение признается основанием изменить или расторгнуть договор. поэтому, к примеру, если договор заключён в российских рублях и курс валюты существенно изменился, то суд не увидит здесь существенного изменения обстоя-

тельств. Наше законодательство сводит к минимуму такую возможность расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств. В таких случаях нужно обращаться к закону о защите прав потребителей, которая ссылаясь на статью 18, признаёт за потребителем право отказаться от исполнения договора в случае обнаружения недостатков товара.

Также предоставляются дополнительные, специальные права, так как в данном виде продажи покупателя является менее защищённой страной.

Например, в законе о защите прав потребителей предусмотрено такое специальное право, как отказ от товара в любое время до получения, а также после получения в течение 7 дней-без объяснения причин.

Такие права играют очень важную роль, так как товар при покупке дистанционным способом приобретаются без ознакомления с ним, а потребовать возврат денег или обмена товара от продавца бывает крайне затруднительно.

Также обратить внимание на следующие моменты, что продавец не вправе изменять условия договора с момента согласия по приобретению товара покупателем, а продавцом подтверждения заказа, в случае, если по каким-то причинам условия будут изменены, то покупатель вправе настаивать на заключении договора о изначальным условиям, такие правила характерны для публичного договора, заключенного на основании публичной оферты.

Согласно же пункту 2 статьи 428 Гражданскому кодексу Российской Федерации, потребитель, как присоединившаяся сторона,

вправе потребовать изменения или расторжения договора, если договор исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обстоятельств.

В таком случае условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законом Российской Федерации о защите прав потребителей признается недействительным.

По законодательству продавец имеет право потребовать возврата товара, если покупателем были обнаружены недостатки товара и покупатель выставил продавцу требования в части расторжения договора купли-продажи и возврата ему уплаченные за требования в части расторжения договора купли-продажи и возврата ему уплаченной за товар суммы, в таком случае, покупатель просто обязан вернуть товар с недостатками, но только если продавец сам требует этого, но может быть так, что продавец не потребует возврата товара, потому что это дополнительные расходы, особенно если этот товар крупногабаритный.

К сожалению, в законе Российской Федерации о защите прав потребителей при расторжении дистанционного договора купли-продажи не закреплен порядок возврата денег и товара продавцом и покупателем, зато чётко указан срок, в течение которого должен быть произведен возврат денег и товара-не позднее, чем через 10 дней со дня предъявления потребителем соответствующего требования, при этом исключается расходы на доставку только в одну сторону-от потребителя назад продавцу.

Если оплата товара была произведена предварительная, то ответственность за непередачу товара в установленный срок, продавец будет нести по закону Российской Федерации о защите прав потребителей.

Верховный суд Российской Федерации указал на то, что продавец не вправе отказывать потребителю в исполнении договора из-за ненадлежащего действий по исполнению договора посредником, таким образом, Верховный суд признает наличие еще одного субъекта в данных правоотношениях.

Иные основания изменения и расторжения договора, не видоизмененные с учетом особенностей дистанционного способа продажи.

Принцип свободы договора очень важен не только при возникновении, но и при расторжении договора; современный опыт договорной работы показывает, что прекращение договорных обязательств не всегда осуществляется в точном соответствии с законодательством.

Таким образом, основные основания распоряжения и изменения договора являются типичными для данного вида договора.

Правовую основу дистанционного договора купли-продажи составляют: статья 497, пункт 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (редакция от 04 июня 2018 года) «О защите прав потребителей» и Постановление Правительства Российской Федерации от 27.09.2007 № 612 (редакция от 04 октября 2012 года) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом». Вышеуказанное Постановление Правительства Российской Федерации под

дистанционной торговлей понимает «продажу товаров по договору розничной купли-продажи, который заключается на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах или буклетах либо представленным на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «интернет» [3]. Существует два способа заключения договора посредством сети интернет: первый способ - заключение договора с помощью электронной почты (по e-mail) и второй способ – заключение договора с использованием web-страниц (сайтов), путем «щелчка по иконке». Далее хотелось бы выделить некоторые проблемные моменты, которые возникают при заключении дистанционного договора купли-продажи и попытаться обозначить варианты решения обозначенных проблем.

В настоящее время в контролирующие органы поступает большое количество жалоб и заявлений относительно товаров, приобретённых дистанционным способом. Проблемы, которые возникают в сфере дистанционной торговли не редкость. Как известно, в анализируемых правоотношениях кроме продавца и покупателя принимает непосредственное участие дистрибьютор или какое-либо другое лицо, которое выступает посредником между данными субъектами.

Дистрибьютор – это любая компания или частный предприниматель, которые выполняют лишь одну важную функцию – функцию торгового посредника, то есть они осуществляют оптовую закупку и сбыт товаров определённого вида на региональных рынках.

Именно тут и возникает проблема, которая связана с данным структурным элементом дистанционного договора купли-продажи, а именно в нашем законодательстве не определен статус компании-дистрибьютера, что не способствует единообразной практике. На практике имели место случаи, когда косметические товары продавали физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и при возникновении претензий к качеству товара потребители были лишены возможности защищать свои права согласно законодательству о защите прав потребителей. Предложение о заключении договора купли-продажи в аспекте статьи 26.1 закона «О защите прав потребителей» попадает под действие статьи 437 Гражданского кодекса Российской Федерации «о публичной оферте», в частности, предложение, которое направляется неопределённому кругу лиц. Публичная оферта, как и договор розничной купли-продажи, вменяют в обязанность продавца заключать договор с каждым покупателем на равных условиях.

На современном этапе развития дистанционной торговли активно формируется ее правовые основы. Проблема видится в следующем – если покупатель приобретает товар по средствам сети интернет, то его право на равные условия не может быть гарантировано в силу того, что практически невозможно индивидуализировать содержание сайта для каждого отдельно взятого покупателя. Рассмотрим данную проблему на примере всем известного сайта «AliExpress». На данном сайте цена может изменяться в зависимости от способа входа на сайт. Цена товара (одного и того же) может быть ниже, если вход на сайт

осуществляется через мобильный телефон (официальное мобильное приложение), а не стационарный компьютер. Данный факт – это, своего рода, ценовая дискриминация. А так как договор носит электронный характер, к нему сложно применять правила о ничтожности дискриминационных условий договора, потому что нет возможности определять, какую цену платят другие покупатели.

Не секрет, что большая часть потребительских договоров, которые заключаются через интернет, имеют готовую форму. Подобного вида договора создаются автоматически, основываясь на ассортименте данного сайта. Другими словами, потенциальный покупатель выбирает нужный ему товар, отправляет его в так называемую «корзину», а затем указывает личные данные, сведения о доставке, а порой и оплачивает товар. В контексте сказанного вполне можно выделить еще одну проблему, которая возникает в ходе заключения дистанционного договора купли-продажи. Проблема заключается в том, что информация о потребительских свойствах и качестве товара может предоставляться в недостаточном объеме, а подчас может быть вообще недостоверной. Махонина Людмила Устиновна по данному вопросу отмечает, что «около 80% реального товарооборота при дистанционной торговле приходится на так называемых «анонимных продавцов», в связи с чем, информация о продавце вообще не представляется или представляется в виде абонентского ящика, что не позволяет идентифицировать продавца [6]. Обязанность актуализировать информацию на интернет-сайтах, к сожалению, не оговорена ни в одном нормативно-правовом акте. Таким образом, можно сделать вывод, что если претензия покупателя

будет аргументирована информацией, которая содержится на сайте, то связь между сайтом и продавцом доказать будет очень сложно, а если говорить точнее, то практически невозможно. Зачастую продавец отказывается возвращать деньги за товар, мотивируя отказ сложно-техническим или недовольственным товаром ненадлежащего качества, то есть товаром, который не подлежит возврату ни при каких условиях.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно выделить следующие меры защиты прав потребителей, которые, по моему мнению, помогут минимизировать проблемные аспекты в данной области:

1. Необходимо на законодательном уровне установить минимальный перечень основных сведений, которые должны быть предоставлены покупателю при оформлении и заключении электронного договора купли-продажи.

2. Также следует установить ответственность, например, денежный штраф, для информационных посредников за то, что продавец не предоставляют необходимую информацию покупателям в полном объеме.

3. Необходимо на уровне законодательства предусмотреть ответственность за отказ от регистрации сайта и установить штрафные санкции, если будет выявлен такой сайт, а также должны быть установлены особые средства индивидуализации сайта (определенный перечень признаков), которые бы указывали на то, что именно этот сайт занимается коммерцией.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что быстрое развитие сети интернет повышает актуальность проблемы отсутствия надлежащего законодательного урегулирования дистанционного договора купли-продажи. Согласно аналитическим данным экспертов крупнейшего интернет-дискаунтера «Costmart», товарооборот российских интернет-магазинов за период 2017–2018 годов составил приблизительно 35 миллиардов долларов [7]. Стремительное развитие и рост количества новых российских интернет-магазинов, резкое увеличение количества заключаемых сделок с их помощью, обостряет проблему необходимости разработки соответствующего законодательно-правового регулирования столь специфичной сферы. Фактически существующие правоотношения должны получить и соответствующую законодательную регламентацию в Гражданском кодексе Российской Федерации, хотя бы по той причине, что данному виду договора всего посвящена одна статья, а также необходимо разработать отдельный Федеральный закон, который будет регламентировать процедуру реализации на практике дистанционного договора купли-продажи.

Литература

1 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (редакция от 03.08.2018) // СПС Консультант Плюс.

2. Зак А.Ю. «Защита прав потребителей при осуществлении специальной коммерческой практики в России и ЕС» // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/44901-zashhita-prav-potrebitelej->

osushhestvlenii-specialnoj-kommercheskoj-praktiki (дата обращения: 29.11.2018).

3. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // <http://www.consultant.ru>.

4. Турицын Д.А. Договор купли-продажи в условиях цифровизации договорного права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 309–312.

5. Turitsyn D. Disputes on the issues of insurance of ships with participation as a party a legal entity of a foreign state: from the practice of Russian courts // Australian Journal of Maritime and Ocean Affairs. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 230–239.

6. Махонина Л.У. «Виртуальный продавец – виртуальное качество» // URL: <http://geum.ru/lav/index-27953.php> (дата обращения: 29.11.2018).

7. Данные экспертов интернет-магазина Costmart по товарообороту российских интернет-магазинов за 2017-2018 годы // URL: <https://dcenter.hse.ru> (дата обращения: 29.11.2018).

8. Жуков Е.Н., Давлетова А.Р. Пределы свободы договорного творчества // Современная научная мысль. – 2016. – №1.

9. Зардов Р.С. О соотношении задатка с механизмами законной и договорной неустойки // Современная научная мысль. – 2017. – № 5.

10. Турицын Д.А. Заключение контракта купли-продажи по Венской конвенции 1980 года: оферта и акцепт // Современная научная мысль. – 2018. – № 3.

ДОКТРИНА КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗА И ПРОТИВ

*Намитоков Ю.А., студент, Загайнова Г.Г., к.ю.н., доцент
Северо-Кавказский филиал Российского государственного
университета правосудия,
г. Краснодар*

Всякая конституция является выражением определённого замысла, охватывающего основополагающие характеристики общественной жизни. Это документ, который формирует целостное представление о государстве и о тех принципах и ценностях, на которых основаны его правовая, социальная, политическая, экономическая и культурная системы. Ценности и устремления являются важнейшими составляющими любой конституции [10].

Одной из актуальных проблем в условиях глобализации является сохранение конституционного правопорядка и государственного суверенитета, что обусловило появление такого понятия, как конституционная идентичность, под которой понимается система национальных правовых и социокультурных особенностей того или иного государства, выражающихся в его конституционных нормах о фундаментальных правах и основах конституционного строя [7; 8].

Данное понятие впервые было применено Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П, а затем в Постановлении от 16 апреля 2016 г. – в связи с вопросом о возможности исполнения постановле-

ния Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), посчитавшего, что положение Конституции Российской Федерации [1], запрещающее участие в выборах лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, не соответствует Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

Актуальность проблемы национальной конституционной идентичности обусловлена возрастанием активистской деятельности наднациональных судебных органов по защите прав человека, в частности, посредством правотворческого эволютивного толкования международных договоров, и вытекающих из этого коллизий с толкованием национальных конституций в решениях конституционных судов [4].

Нормы международного права, обеспечиваемые межгосударственными юрисдикционными органами, являются результатом согласования воли суверенных государств, в том числе в сфере прав человека – согласия по поводу объёма таких прав и, соответственно, обязанностей по их защите. Это в полной мере относится к Конвенции, представляющей собой совокупность в высшей степени абстрактных норм-принципов, гарантирующих фундаментальные права человека.

ЕСПЧ, будучи субсидиарным наднациональным органом по защите этих прав, уполномочен давать обязательное для государств-участников официальное толкование Конвенции. Путём так называемого эволютивного толкования Конвенции как «живого инструмента» ЕСПЧ детализирует ее положения, «расширяет» их нормативное содержание, а по сути – на основе собственной трактовки конвенционных норм-принципов создает новые правовые нормы.

Проблема коллизии толкований осложняется тем, что ЕСПЧ, оценивая соответствие национальных нормативных актов положениям Конвенции, не делает различия между ординарным законом и конституцией государства. Следовательно, положения основного закона ставятся в иерархическое подчинение по отношению к положениям Конвенции в их «эволютивной» интерпретации ЕСПЧ. Между тем, органы конституционного контроля при разрешении коллизий с межгосударственными судебными органами руководствуются принципами верховенства Конституции и ее высшей юридической силы в правовой системе государства, в частности и по отношению к соответствующим ратифицированным международным договорам.

Отсюда вытекает необходимость в наличии и осуществлении определённых правомерных сдержек (counter-limits – по выражению Конституционного Суда Италии). Так, ЕСПЧ руководствуется хорошо разработанной, однако довольно противоречивой концепцией пределов усмотрения. Вместе с тем, национальные государства обладают своими пределами уступчивости, что следует из их конституций и конституционных принципов.

Доктрина конституционной идентичности основывается на недопустимости посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, выраженных в Конституции РФ, имеющих высшую юридическую силу [2]. Под «посягательством» следует понимать субъективное толкование ЕСПЧ норм международного права в конкретном деле, подлежащих исполнению договаривающейся стороной и содержащееся в его постановлениях, реализация которых не согласуется с конституционным правопорядком государства.

Из этой доктрины не следует, что каждый факт несоответствия между нормами международного права и национальной конституции является-де покушением на конституционную идентичность. По убеждению российского ученого-конституционалиста Г.А. Гаджиева, «...в защите нуждаются только особо значимые конституционные положения, составляющие системообразующее ядро национального конституционного порядка» [3].

Однако возникает вопрос, какие же принципы и нормы образуют «конституционное ядро», или «конституционную идентичность» государства? Данный вопрос остается открытым как в теории, так и в практике.

В этой связи, в качестве «ядерных» правовых традиций, разрушение которых означает утрату идентичности для российской правовой системы, мы предлагаем понимать следующее.

Конституция РФ содержит положения, закрепляющие положительно оцениваемые конструкции, воплощение которых на практике связывается со строем всей общественной жизни. В частности, в литературе используется понятие «конституционные ценности», под которыми понимаются блага, воплощённые в различных юридических формах (нормах-принципах, правах и свободах, иных нормах наиболее общего характера), закреплённые в конституции или выводимые из её положений путём толкования [5]. В зарубежных конституционно-правовых исследованиях наряду с категорией ценностей (values) используется также категория устремлений (aspirations, aspiration provisions), которая связывается с фундаментальными основами общества и государства. В одной из работ конституционные устремле-

ния понимаются как включающие цели, принципы и основные свободы [9].

Полагаем, что при определении конституционной идентичности необходимо обращаться к категории фундаментальных ценностей и устремлений, объединяющих прошлое и будущее народа и позволяющих сделать акцент как на необходимости сохранения исторически сложившейся правовой традиции, так и на перспективах развития правовой системы для достижения определённых целей.

Ввиду того, что ценностные установки характеризуются высшей степенью абстрактности, и ввиду широты дискреционных полномочий органов конституционной юстиции возникает риск манипулирования аргументацией фундаментальными ценностями и установками в процессе разрешения конкретных споров. Между тем, в подходах к формулированию элементов идентичности в практике КС РФ не прослеживается продуманной, единообразной методологии, что создаёт реальные риски манипулирования высокими сущностями.

В этой связи, существует потребность в такой методологии отнесения отдельных ценностей к элементам конституционной идентичности, что представляется весьма масштабной и сверхсложной, но всё же более актуальной задачей, выполнение которой позволит не допустить размывания и дискредитации доктрины конституционной идентичности [6].

В рамках разработки такой методологии можем предположить, что источником таких фундаментальных ценностей служат положения, относящиеся к разряду «неизменных», то есть таких, которые в принципе не могут быть изменены никакой процедурой при действии

данной конституции. Речь идет о положениях глав 1 и 2 Конституции РФ. Полагаем, что именно положения этих глав необходимо связывать с конституционной идентичностью России, поскольку показывают суть того, какие ориентиры были выбраны при установлении конституционного порядка с учётом исторического опыта России, значимых проблем и достижений, а также целей, которые предполагается достичь в будущем.

Однако в данном контексте необходимо обратить особое внимание на такую конституционную ценность как нравственность, которая выводится конституционным законодателем в системе других ценностей, являющихся объектом конституционной защиты и одновременно ограничителем поведения, запрещенного нормами конституционного права. Особая значимость данной ценности нам видится в том, что право и нравственность – это внутренне взаимосвязанный соционормативный комплекс. И отрыв права от исповедуемых большинством нравственных норм резко снижает его эффективность.

Несмотря на протекающие процессы глобализации, у граждан разных государств налицо множество несовпадающих культурных, социальных, религиозных ценностей. В каждой ценностной системе есть своя, исторически выстроенная и укорененная в культуре совокупность морально-нравственных норм, принимаемая и поддерживаемая (через семейное и общественное воспитание, образование, общественную и государственную культурную политику) большинством граждан данного государства.

В этой связи именно защита нравственности должна служить ориентиром для КС РФ в отстаивании конституционно-правовой

идентичности России, в деятельности по сдерживанию разрушительного активизма наднациональных регуляторов, не считающихся с социокультурными особенностями развития российского государства как суверенного.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что конституционная идентичность выводится каждым государством из своего уникального опыта. Она не может быть «придумана» или изменена каким-либо волевым решением, равно как она не может быть навязана извне. Идентичность состоит в комплексе исторических, культурных и социальных факторов, выраженных в праве.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; СЗ РФ, 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционная легитимность государственной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 7.

3. Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конф., 1 декабря 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017.

4. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика. Доклад на Международной конференции «Конституционное правосудие: доктрина и практика». г. Санкт-Петербург, 16 мая 2017 года // <http://www.ksrf.ru>.

5. Карасёва И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

6. Троицкая А., Храмова Т. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 1(122). – С. 54–79.

7. Шевченко А.И. Информационные процессы в контексте проблемы повышения эффективности политического регулирования: социально-философский аспект / А.И. Шевченко // Человек. Общество. Инклюзия. – 2019. – № 2(38). – С. 36–41.

8. Шевченко А.И. Философское понимание права с позиции информатизации в правовом пространстве / А.И. Шевченко // Информация как объект гражданских прав предпринимателей. Материалы Международной научно-практической конференции. Сборник статей. Ответственные редакторы Г.Ф. Гараева, Т.И. Султонова, М.Е. Бегларян, 2018. – С. 122–125.

9. Fleming J.E. Fidelity, Change, and the Good Constitution // American Journal of Comparative Law. – Vol. 62. – 2014. – No. 3. – P. 515–546.

10. Бахметьев П.В. Особенности имплементации норм Евразийского экономического союза в Российской Федерации // Современная научная мысль. – 2019. – № 5.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нерсисян Л.В., студент

Кубанский государственный университет,

г. Краснодар

Актуальность данной темы обусловлена тем, что административные дела в сфере медицинской деятельности связаны с существенным ограничением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Так, в 2016 году было вынесено 275 решений по делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

Проблематика административно-правовых споров в сфере медицинской деятельности лежит в общем контексте административного оспаривания и характеризуется спецификой объекта и предмета административно-правового спора.

Состав субъектов административно-правового спора в сфере медицинской деятельности предполагает обязательный субъект, наделенный государственно-властными полномочиями в сфере

медицинской деятельности. К таковым могут относиться не только государственные или муниципальные органы, но и медицинские организации, реализующие отдельные государственно-властные функции.

Субъектами административно-судебного оспаривания в сфере медицинской деятельности могут быть любые организации, в том числе и медицинские, а также лица, в отношении которых применен этот акт или лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым административным актом, если они полагают, что этим нарушены или могут быть нарушены их права, свободы и законные интересы.

Поскольку санитарно-эпидемиологическое благополучие является составной частью охраны здоровья, то оспаривание нормативных актов в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия находится в контексте содержания положений статьи 2 Федерального закона «Об охране здоровья граждан Российской Федерации» и позволяет утверждать, что законодатель относит меры санитарно-эпидемиологического (профилактического) характера к медицинским. Важно иметь в виду, что определение санитарных норм и правил может входить в компетенцию только специализированных государственных органов, а регулирование иных, связанных с реализацией этих норм вопросов – в компетенцию органов государственной власти субъектов РФ. В связи с превышением органами государственной власти субъектов РФ границ полномочий, определяемых федеральными актами об охране и возникают

административно-правовые споры, связанные, в частности, с отловом безнадзорных животных.

Дела об оспаривании нормативно-правовых актов могут напрямую и не быть связаны с охраной здоровья населения, а определять, в частности, особенности налогового статуса медицинских организаций.

Административно-правовые споры, связанные с совершением или отказом в совершении медицинскими организациями и их должностными лицами определенных действий подпадают под регулирование главой 22 КАС РФ, но как нам представляется, требуется дифференцированный подход к отнесению дел в медицинской сфере к административно-правовым спорам. Связано это с субъектным составом спорящих сторон и объектом спора. Важно понимать, является ли медицинская организация или ее должностное лицо субъектными, наделенными государственно-властными или иными публичными полномочиями [9].

Так, Верховный Суд РФ в кассационном определении по делу № 34-КГ16-12 от 2 ноября 2016 года обратил внимание нижестоящих судов на то, что начальник медицинской части учреждения Федеральной службы исполнения наказаний наделен властными полномочиями, реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов в сфере охраны здоровья в отношении лиц, находящихся под стражей в следственных изоляторах, то есть правоотношения, возникающие в связи с необходимостью предоставления административному истцу

медицинской помощи не основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности.

С точки зрения проблематики применения главы 22 КАС РФ к сфере медицины сложность вызывают дела, где в качестве административного ответчика выступают негосударственные организации. В каждом конкретном случае правоприменитель вынужден выяснять, руководствуясь нормами, определяющими статус той или иной организации есть ли у нее государственно-властные или иные публичные полномочия. Сам характер таких полномочий не является однотипным. Верховным Судом России по конкретному делу указано, что «противотуберкулезные медицинские организации наделяются отдельными публичными полномочиями в части возложения на них обязанности по информированию органов, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор».

Открытым остается вопрос о должностных лицах медицинских организаций, чьи действия и бездействия могут быть оспорены в судебно-административном порядке. Если более конкретно, то проблема не в сотрудниках медицинских организаций, чей статус как должностных лиц не вызывает сомнений (главный врач, старшая медицинская сестра, заведующий отделением), а в собственно врачах [8, с. 9]. В силу отсутствия универсального легального понятия должностного лица, не остается ничего иного, как использовать данное понятие по аналогии, взяв соответствующую формулировку из примечания к статье 2.4 КоАП РФ.

Мы считаем, что в некоторых случаях врач может выполнять не только медицинские услуги, но и организационно-распорядительные функции должностного лица, например, если стоит вопрос об отказе в выдаче листка временной нетрудоспособности, записи в медицинской книжке, об отказе в признании инвалидом врачом – сотрудником бюро медико-социальной экспертизы и, соответственно, только в этих и подобных случаях, создающих юридически значимые последствия публичного характера, его действия и бездействия могут быть оспорены в порядке главы 22 КАС РФ.

Почему именно обязательный судебный контроль? Да, потому что законодатель в части 3 статьи 1 КАС РФ указал, что суды рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, следующие категории дел:

- о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке;

- о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке;

- иные административные дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию непсихиатрического профиля в недобровольном порядке [1, с. 9].

Последний из названных случаев по сути дела открывает дорогу по отнесению к фактическим основаниям административно-судебного контроля заболеваний, представляющих не только

индивидуальный вред, но и могущих стать источником массовых заражений, что влечет неблагоприятные социальные последствия для неопределенного круга лиц (например, чума, тиф и т. д.). Да и сам КАС не выделяет в отдельную главу эту категорию дел, а, следовательно, детально не регламентирует процедуру подачи административного искового заявления и процесс рассмотрения таких административных дел.

Строго говоря, об административно-правовом споре по данной категории дел можно говорить лишь в том случае, когда лицо, в отношении которого рассматривается дело отказывается добровольно пройти лечение в соответствующей медицинской организации, оспаривая необходимость такого лечения, либо оспаривает нарушение им соответствующих санитарных правил непосредственно в судебном заседании.

Однако стоит отметить, что весомые проблемы имеются и при разрешении дел, связанных с недобровольной госпитализацией граждан в психиатрический стационар и противотуберкулезную организацию.

Основания недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях несколько отличаются от оснований признания лица недееспособным. Медицинским критерием, подлежащим выяснению в судебном заседании в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 278 КАС РФ выступает тяжелое психическое расстройство.

Как ни странно, действующее законодательство не содержит четкого перечня того, что относится к тяжелым психическим расстройствам. Мы опросили руководителей и заведующих психиатрических стационаров Краснодарского края и никто из них не смог дать исчерпывающего перечня тяжелых психиатрических расстройств необходимых для целей принудительной госпитализации.

Многие врачи ссылаются на Международную классификацию болезней 10-го пересмотра (т.н. МКБ-10). Однако МКБ-10 не является нормативно-правовым актом, это всего лишь доктринальный источник, документ, обеспечивающий единство методических подходов и международную сопоставимость материалов. Да и сама МКБ трактуется довольно широко и по-разному в разных государствах мира. Также мы помним статью 55 Конституции РФ, которая допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Поэтому ссылки на МКБ-10 представляются совершенно необоснованными.

Понятно, что «сами по себе такие заболевания, как алкоголизм, наркомания и токсикомания, к категории тяжелых психических расстройств не относятся и не могут служить основанием для принудительной госпитализации». Но это имеет место до определенной стадии заболевания и служит одним из оснований для принудительной госпитализации, если поведение указанных больных

сопряжено с обстоятельствами, описанными в статьях 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и пункте 2 части 1 статьи 278 КАС РФ. Это непосредственная опасность для самого гражданина или для окружающих, беспомощность такого гражданина и (или) возможность причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи [10; 11].

Сравнительный анализ положений статей 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» и статьи 278 КАС РФ выявляет коллизионный характер используемой терминологии: в первом случае речь идет о психических расстройствах, а во втором о тяжелых психических расстройствах. В случае использования несоответствующей КАС РФ терминологии в процессуальных документах это может послужить формальным основанием для отказа в административном иске.

Медицинским основанием возбуждения дела о недобровольном помещении в противотуберкулезную медицинскую организацию является наличие у лица заразной формы туберкулеза. Фактическими материально-правовыми основаниями выступают:

- 1) неоднократное нарушение санитарно-противоэпидемического режима для больных заразными формами туберкулеза;
- 2) умышленное уклонение от лечения туберкулеза.

26 ноября 2019 года вышло Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в связи с

рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулёзную организацию в недобровольном порядке» № 50. И это не случайно, поскольку в правоприменительной практике неоднократно возникали спорные вопросы.

Так, в пункте 3 Постановления разъяснено, что под неоднократным нарушением санитарно-противоэпидемического режима понимается, в частности, двух- и более кратное нарушение обязанностей, установленных статьей 13 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации».

В этом же пункте сказано, что умышленное уклонение гражданина с подозрением на туберкулез от прохождения обследования или умышленное уклонение больного туберкулезом от лечения может быть установлено в случае, если в отношении гражданина имеется первичная медицинская информация соответственно о возможном либо имеющемся заболевании туберкулезом и он был предупрежден о необходимости прохождения обследования или дополнительного лечения, но без уважительных причин не прошёл соответствующее обследование или лечение. Однако, что считать уважительными причинами в этом случае суд не дает никаких пояснений.

Сама конструкция части 1 статьи 281 КАС РФ предполагает принудительную госпитализацию в противотуберкулёзную организацию и при умышленном уклонении от обследования при подозрении на туберкулез. Другими словами, принудительная

госпитализация возможна и при наличии достаточных оснований полагать наличие у лица туберкулеза любой, а не только заразной формы при условии умышленного уклонения от обследования, на что обращают внимание специалисты, изучающие этот вопрос [5, с. 9].

Санитарно-эпидемиологический режим больных заразными формами туберкулеза предполагает, что больной в соответствии со статьей 13 Федерального закона от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» и пунктом 1.3 Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 22.10.2013 № 60 (ред. от 06.02.2015) «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика туберкулеза» (вместе с «СП 3.1.2.3114-13...») должен соблюдать соответствующие правила, а именно: проходить обследование, контролируемое лечение и соблюдать гигиенические нормы по взаимодействию с окружающими.

В этой связи нам представляется неудачной формулировка статьи 281 КАС РФ, в которой речь идет не только о том, что лицо умышленно уклоняется от лечения или обследования, то есть своими действиями оспаривает предписания уполномоченной организации, но и о том, что лицо нарушает санитарно-противоэпидемический режим. В последнем случае речь идет скорее не о споре, а именно о применении к лицу административно-принудительных мер со стороны суда [6, с. 9].

Более того, заметим, что уже упомянутые санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1.2.3114-13 «Профилактика

туберкулеза» не содержат конкретных предписаний, адресованных лицу, больному туберкулезом. Все нормы данного нормативного акта адресованы уполномоченным государственным органам и медицинским организациям, но никак не больному в связи с чем предлагается конкретизировать положения статьи 13 Федерального закона от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» конкретными обязанностями по соблюдению санитарно-противоэпидемического режима для больных туберкулезом.

Таким образом, судебный контроль в сфере медицинской деятельности имеет ряд очень существенных недостатков как материального, так и процессуального характера. Суд может вынести решение и при отсутствии гражданина, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в недобровольном порядке. Главное, чтобы в суде был представитель гражданина или назначен адвокат. Поэтому 70% таких решений в последствии отменяются в апелляционном, кассационном, реже, в надзорном порядке.

Хочется, чтобы законодатель и ВС услышали наши замечания и приняли необходимые меры к их устранению.

Литература

1. Бурашникова Н.А. Судебное санкционирование недобровольного оказания медицинской помощи в Российской Федерации // Прецеденты Европейского суда по правам человека. – 2018. – № 3. – С. 11–17.

2. Глущенко А.Н. Административно-правовое регулирование охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Дисс...канд. юрид. наук. – Воронеж, 2016. – С. 65–66.

3. Зеленцов А.Б. Административно-правовой спор: вопросы теории // http://mosmediator.narod.ru/publikatsii/administrativno-pravovoi_spor_voprosi_teorii (дата обращения 28.11.2019).

4. Зеленцов А.Б., Яхин Ф.Ф. О предмете административно-правового спора // <http://www.lawmix.ru/comm/3494>.

5. Кулакова В.Ю. О некоторых проблемах правового регулирования производства по делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 21–28.

6. Лебедева О.О. Применение отдельных принудительных мер административного предупреждения как самостоятельное административное производство в структуре административного процесса // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 203–210.

7. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора. – Воронеж, 2013. – С. 121–167.

8. Сучкова Т.Е. К вопросу о наделении врача статусом должностного лица // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 142–145.

9. Медведев А.В. Отдельные принципы охраны здоровья населения // Современная научная мысль. – 2017. – № 2.

10. Шевченко А.И. Человек с ограниченными возможностями в современном обществе (социально-философский анализ) / А.И. Шевченко автореферат дис. ... доктора философских наук / Краснодарский университет МВД РФ. Краснодар, 2014.

11. Шевченко А.И. К вопросу об опыте реализации политики по отношению к человеку с ограниченными возможностями / А.И. Шевченко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 2. – С. 267–271.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ДОМАШНИМ НАСИЛИЕМ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Новиченко А.А., студент

Адыгейский государственный университет,

г. Майкоп

Современная российская семья переживает кризис. Разрушается ставший привычным уклад взаимоотношений между супругами: семья потеряла устойчивость, развод превратился из факта исключительного в обыденный, ослабло родительское влияние. Отношения между мужчиной и женщиной часто не оформляются юридически, принимают форму партнерства, сожительства и т. п. Выяснение внутрисемейных отношений все чаще стали приобретать насильственный характер: от регулярных побоев до убийств.

В результате домашнего насилия нарушаются нормы Конституции Российской Федерации и международных актов. Так, Конституция Российской Федерации провозглашает право всех граждан на жизнь без насилия. Всего же в 2018 году было зарегистрировано более 34 тысяч преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием.

Говоря о понятии «преступления, совершенные вследствие домашнего насилия» нужно отметить, что это собирательное понятие, охватывающее: убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, совершенное с особой жестокостью; убийство, совершенное в состоянии аффекта; причинение смерти по неосторожности; доведение до самоубийства; причинение вреда здоровью различной степени тяжести; причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта; истязание; побои; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; оскорбление; изнасилование; насильственные действия сексуального характера; понуждение к действиям сексуального характера; развратные действия; вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий; неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Основанием для их объединения является совершение этих преступлений в кругу семьи (как официальной, так и неофициальной), в отношении членов семьи и они обусловлены деформированными семейными отношениями.

Специфика семейных отношений влечет за собой высокую латентность данных преступлений. Большинство выяснений отношений

в семье, завершающиеся побоями, оскорблениями и т. д., так и остается за закрытыми дверями квартир.

Последствиями семейного насилия могут быть психические расстройства, потеря чувства самоуважения у жертвы, физические повреждения, суицид. Систематическое жестокое обращение способно спровоцировать у жертвы ответные насильственные действия по отношению к агрессору. У детей последствия насилия в семье обуславливают школьную дезадаптацию, нарушение развития социализации, психоэмоциональные и психосоматические расстройства [1, с. 55–65].

Целями нашего исследования состоит в изучении опыта зарубежных государств в регулировании вопросов, связанных с домашним насилием, и разработки собственного пути России в данном вопросе.

В процессе исследования нами были всесторонне изучены проблемы домашнего насилия за рубежом. Законы против домашнего насилия есть в 146 странах. При этом преуспевающие в регулировании на правовом уровне вопросы, связанные с домашним насилием, Европейские страны показывают различную практику реализации подобных норм. К примеру, опыт Казахстана, Украины, Молдовы, Киргизии, Чехии, Литвы, а также других стран показал, что случаи внутрисемейного насилия сокращаются от 20 до 40% после принятия комплексных законов о защите жертв домашнего насилия [2, с. 194].

Главное внимание при регулировании данной проблемы необходимо уделять превентивным мерам. Так, например, в Белоруссии профилактике домашнего насилия способствует вступивший в силу с 16 апреля 2014 года закон «Об основах деятельности по профилакти-

ке правонарушений», который разрешает временно выселить гражданина, совершившего насилие в семье, из общего с пострадавшим жилого помещения. Выселение на срок от трех до 30 суток происходит во внесудебном порядке по решению правоохранительных органов.

Только за 2015 года по этому закону в Белоруссии было вынесено 1152 предписания, обязывающих граждан временно покинуть занимаемые ими жилые помещения. Интересно, что, по статистике, данные меры оказались эффективными, и число зарегистрированных случаев домашнего насилия заметно снизилось. Так, в 2014 году было зарегистрировано 1005 подобных преступлений, а в 2017 году – только 842.

В Испании также существует подобный закон, который был принят в 2003 году, а вслед за ним был принят закон о защите от гендерного насилия. Но спустя почти 20 лет официальная статистика показывает, что количество убитых женщин в Испании вернулось практически на уровень 1999 года.

В 1999 году в Испании было убито 53 женщины, в 2008-м — 76 (то есть убийств через 5 лет после принятия первого закона стало на 25% больше). Только в 2015 году показатели вновь вернулись на уровень 1999 года.

В текущем, еще незавершившемся, 2019-м году уже убито, по официальным данным, 42, а по статистике феминистских порталов мониторинга – 74 женщины. Это происходит на фоне почти двукратного снижения общего уровня преступности в Испании.

Власти закрывают глаза на небольшое количество реальных результатов реформ в области семейно-бытового насилия. Но при этом распределяются огромные финансовые средства.

Принятие решений о статусе жертвы гендерного насилия передается теперь из судебной сферы в ведение соцработников, НКО и психологов [7]. Точно такая же ситуация уже сложилась в сфере «защиты» детей от насилия в семье. Следствием стало огромное количество случаев неправомерного изъятия детей из родных семей.

К чему это приводит на практике, при наличии обильного финансирования, обратимся к примеру громкого дела в Италии, получившего название «Ангелы и демоны». В конце июня 2019 года итальянская прокуратура возбудила уголовные дела в отношении 27 человек, включая детских психологов, социальных работников и мэра города Биббиано по подозрению в сговоре с целью незаконной наживы и в манипулировании детьми в корыстных целях.

Психологи настраивали детей против родителей, говоря им, что родные их не любят. В детские рисунки добавляли сексуальное содержание, и на этом основании выдвигали обвинения в несуществующих изнасилованиях детей в их семьях.

Затем чиновники направляли информацию от психологов в органы социальной опеки как основание для изъятия детей из родных семей и их передачи опекунам «за вознаграждение».

При этом испанские НКО в теневом отчете по Стамбульской конвенции, ссылаясь на статью 18.4 данной конвенции, настойчиво требуют не привязывать предоставление «услуг» жертве к жалобе са-

мой этой жертвы о насилии над ней. То есть «услуги» должны оказываться жертве, даже если она сама об этом не просит.

Следует отметить, что так называемая «Стамбульская конвенция» – это международное соглашение Совета Европы против насилия в отношении женщин и насилия в семье, открытое для подписания с 11 мая 2011 года в Стамбуле. На текущий момент конвенция подписана 46 странами и Европейским союзом, и вступила в силу 1 августа 2014 года.

Если обратиться к опыту Франции, то буквально с сентября этого года государственные органы приняли очередные меры по защите граждан от домашнего насилия. Французское правительство запустило широкомасштабную кампанию по борьбе с домашним насилием, а премьер-министр Эдуар Филипп объявил целый ряд разносторонних мер, направленных на достижение этой цели.

В частности, речь идет о создании дополнительных мест в приютах для жертв домашнего насилия. К уже существующим пяти тысячам в будущем году будет добавлена еще одна тысяча, из которых три четверти приходится на убежища срочного приема, а остальные – на те, где дамы смогут находиться более продолжительное время – вплоть до 12 месяцев.

Тем женщинам, которые из-за травм оказались в больнице, отныне предоставляется возможность подать иск в полицию на обидчиков непосредственно на месте, а не после возвращения домой, где им могут грозить новые побои.

Важная инициатива касается непосредственно мужей и сожителей, склонных распускать руки по отношению к близким. Она касает-

ся использования «электронных браслетов» в отношении лиц, которым по суду было запрещено приближаться к своим жертвам. Подобный опыт используется в Испании с 2004 года и показал неплохие результаты. Дело в том, что во Франции вот уже ряд лет потенциальным жертвам домашнего насилия выдаются специальные телефоны с «тревожной кнопкой», с помощью которой можно вызвать полицию. Однако часто они не успевают им воспользоваться или делают это, когда обидчик уже совсем рядом.

Помимо этого, в соответствии с правительственными планами в судебных инстанциях страны будут назначены прокуроры, которые станут непосредственно заниматься делами о семейном насилии, а в полиции и жандармерии проведут аудит на предмет создания групп по быстрому реагированию.

В текущем году на защиту француженок выделено 76 миллионов евро, при этом женские организации настаивают на сумме куда более значительной.

В США человека, уличённого в домашнем насилии, судят даже в том случае, если его жертва забрала своё заявление из полиции.

Полиция осматривает жертву на предмет признаков физического насилия: синяки, кровоподтёки и т.п. Квартиру - на предмет разрушений, проломленных кулаком стен и т. п. Если находит, правонарушителя арестовывают и помещают на 24 часа в тюремную камеру. За эти 24 часа происходит слушание в суде в присутствии судьи. Даже если жертва забрала заявление, то виновника продолжает судить штат. Эта поправка недавно вышла к закону, учитывая, что многие жертвы насилия по самым разным причинам забирают заявление обратно.

Обычно первичным наказанием следует предупреждение и обязанность пройти 26 сессий терапии: один час по разу в неделю, то есть это продолжается в течение полугода. За терапию он платит из своего кармана.

Кроме обязательного курса терапии, насильникам запрещено жить в своём доме, пока не закончится срок наказания. Если жертва оформляет «order of protection», в котором прописано, что она не хочет получать телефонные звонки или сообщения, чтобы находились на расстоянии 20 метров, то значит необходимо выполнять любые условия, прописанные в «order of protection». Все аресты, защитные ордера, обвинения заносятся в «criminal record» офендера (криминальное досье), а это влияет на нахождение работы, на получение гражданства, карьеру и т. д.

Британское правосудие также расширяет перечень ситуаций, характеризующихся как домашнее насилие, и определяет новые меры защиты потерпевших. Согласно криминологическому исследованию, проведенному в Англии и Уэльсе, около двух миллионов человек в возрасте 16-59 лет сталкивались с ситуациями домашнего насилия. 1.3 миллиона жертв – женщины, 695 тысяч – мужчины; в отношении и тех, и других всего 89 091 уголовных дел закончились вынесением обвинительного приговора тирану.

В 2004 году в Великобритании был принят первый закон о домашнем насилии. Второй вступил в силу в этом году. В новом законе понятие домашнего насилия расширено за пределы причинения физического ущерба, в нем определены признаки психологического

давления и манипуляций, а также экономического насилия в форме отказа в доступе и распоряжении личными финансами.

В качестве дополнительных мер по борьбе с домашним насилием предлагается:

- создать новые рычаги принуждения насильников к участию в реабилитационных программах по изменению агрессивного поведения;
- обеспечить автоматическую защиту жертв насилия при даче показаний против своих мучителей и исключить практику перекрестных допросов;
- создать специальную должность омбудсмена по делам о домашнем насилии, который бы отвечал за помощь в психологическом и физическом восстановлении жертвы в форме посредничества и представления ее интересов во всех общественных организациях и социальных службах.

Канада является одной из первых стран, принявших меры по борьбе с домашним насилием. За двадцать лет провинциальные и муниципальные власти сделали немало: проведены информационные и образовательные кампании, поддержаны службы для переживших насилие, программы для коррекции поведения мужчин-насильников. И хотя в последние годы в ряде мест, например, в Онтарио, правительство урезало финансирование женских организаций, все же у них есть возможность обеспечивать социальные службы для женщин.

Опыт Канады – страны, признанной во всем мире лидером в борьбе с насилием – является кладезем форм и методов противостояния этому злу. Достижения Канады могут быть учтены не только при

составлении и реализации проектов неправительственных организаций, но и при подготовке и внедрении правительственных программ как на местном, так и на общенациональном уровнях.

Для Канады не стала самоцелью выработка единого федерального закона о насилии в семье (в отличие от России, где в течение нескольких лет общественные и государственные деятели, юристы, эксперты потратили массу усилий, времени и средств, безуспешно пытаясь создать подобный законопроект).

Представляется, что для России вполне приемлем путь Канады, где Федеральное правительство отвечает за уголовное законодательство, а правительства провинций, в тесном взаимодействии с федеральным - за осуществление правосудия. Власти всех уровней тесно взаимодействуют с неправительственными организациями, образовательными и культурными учреждениями. В этом – залог успешного развития Канады по пути созидания такого общества, где на деле реализуется принцип всеобщей нетерпимости к проявлениям насилия.

Россия же всегда выделялась среди государств своей самобытностью. Она характеризуется приверженностью к традиционной семье. Поэтому и в регулировании вопросов, связанных с домашним насилием, необходимо найти свой путь, свои методы и средства, поддерживающие традиционные семейные и нравственные ценности, но ни в коем случае не разрушающие их. Но оставлять проблему без внимания в правовом поле не является верным.

Потерпевшие от домашнего насилия не склонны обращаться за профессиональной помощью, в том числе и юридической. Это происходит по разным причинам: не считают полученные травмы доста-

точно серьезными, боятся или стесняются попросить о какой-либо помощи, опасаются новых вспышек насилия со стороны партнеров, боятся развода, прекращения отношений или потери детей [3, с. 116–118].

Анализ российской следственной и судебной практики показывает, что в процессе расследования преступлений, связанных с домашним насилием, допускаются значительное число ошибок, упущений, просчетов и иных нарушений, которые отрицательно сказываются на ходе и результатах следствия.

Необходимо отметить, что одним из основных источников получения необходимой информации в ходе следствия является жертва преступления. Поэтому расследование преступлений, связанных с домашним насилием, зависит от поведения потерпевшего и основывается на наличии или отсутствии противодействия расследования со стороны потерпевших, что, в свою очередь, влечет за собой наличие или отсутствие конфликтной ситуации. Противодействие может выражаться и в пассивной форме: умалчивание, безынициативность и т. п.

В связи с этим можно выделить несколько групп жертв домашнего насилия, которые играют роль в расследовании преступлений, чтобы избежать ошибок следователям и дознавателям.

К первой категории, на наш взгляд, следует отнести женщин – жертв «домашнего насилия». Обращение их в полицию за помощью всегда носит спонтанный характер, вызванный совершенным в отношении них преступлением, однако в последующем они начинают жалеть обидчика, пытаясь вспомнить, что было между ними хорошего.

Для установления психологического контакта с данной категорией потерпевших необходимо проявлять к ним сочувствие и удерживать их на позиции необходимости привлечения виновного к уголовной ответственности.

К другой категории, на наш взгляд, относятся несовершеннолетние жертвы «домашнего насилия». Эта категория крайне редко обращается самостоятельно в полицию за помощью. Для получения объективной картины о способности ребенка давать показания необходимо не только выявление особенностей его психических процессов, но и установление индивидуально-психологических характеристик, оказывающих влияние на данную способность, и тщательный анализ окружающей обстановки в ходе развития судебной следственной ситуации.

Третьей категорией потерпевших, на наш взгляд, являются мужчины, так называемые «домашние тираны», неправомерное поведение которых вызвало ответную реакцию со стороны их жертв. Как правило, в полицию обращаются не они, а лицо, совершившее насильственное преступление и раскаявшееся в содеянном, увидев результаты содеянного.

Таким образом, выбирая тактику производства следственных действий должностным лицам в ходе расследования подобных преступлений, необходимо учитывать к какой категории он относится: может ли давать адекватное объяснение произошедшему; дает правдивые показания, но может от них отказаться; дает ложные показания либо из-за боязни мести со стороны преступника, либо из-за желания представить себя в более выгодном свете.

Исходя из практики можно сделать вывод, что правоохранительные органы допускают большое количество следственных ошибок [5]. Поэтому преступления не квалифицируются как совершенные в следствие домашнего насилия и тем самым принципы российского законодательства не могут найти свое отражение в плоскости домашнего насилия.

Также необходимо признать, что российское законодательство не обеспечивает потерпевших достаточными средствами правовой защиты. Государственные органы не предоставляют необходимую всестороннюю комплексную помощь пострадавшим от семейного насилия, информацию об имеющихся социальных, медицинских, психологических и правовых ресурсах, а женщины, в свою очередь, такой информацией изначально не владеют.

В начале 2017 года в России были декриминализованы побои в семье, согласно которому побои в семье считаются административным правонарушением, а не преступлением. Уполномоченная по правам человека в России Татьяна Москалькова назвала ошибкой закон о декриминализации побоев в семье и выступила за принятие другого - о противодействии домашнему насилию.

За последние 10 лет законопроекты о домашнем насилии вносились 40 раз разными депутатами, сенаторами, но так и не были вынесены на чтения. Законопроект предполагает введение охранных ордеров, которые защищали бы не только жертву, но и ее родных, вводит систему учета преступлений и подразумевает создание кризисных центров для жертв [4, с. 194].

Заметим, что до сих пор существует реакция полиции: «Когда будет труп, приедем и опишем». Профилактические меры не принимаются. Так, в прошлом году муж Риты Грачевой вывез ее в лес и отрубил ей кисти обеих рук, воткнул топор в бедро, хотя Рита обращалась до этого в полицию. В прошлом году была убита Алена Верба, муж которой нанес ей более 40 ножевых ранений, накрыл тело и оставил маленького сына с телом матери запертыми в квартире, хотя Алена до этого обращалась в полицию. Этих преступлений можно было бы избежать, если бы в России была профилактика домашнего насилия.

Граждане России, не сумевшие получить защиту от государства, стали активно обращаться в международные организации по защите прав человека.

Так, Европейский суд по правам человека летом этого года впервые присудил 20 000 евро и возмещение юридических расходов Валерии Володиной из Ульяновска, которая жаловалась, что полиция и суды не защитили ее от повторяющихся случаев домашнего насилия, включавшего побои, похищение, преследование и угрозы.

А в апреле этого года комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин признал Россию ответственной за нарушение права на защиту от побоев. Комитет опубликовал решение по жалобе жительницы Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики Шемы Тимаговой, пострадавшей от домашнего насилия. Бывший муж ударил ее топором по голове, после чего она стала инвалидом. Суд приговорил обидчика к девяти месяцам лишения свободы,

но при этом указал, что нападение спровоцировала гражданка Тимогова, подав жалобу в суд.

В ходе нашего исследования нами было определено несколько путей развития регулирования проблемы домашнего насилия в России [9]. К таковым можно отнести:

1. Создание закона или федеральной программы, которые будут предусматривать: постановку на учет социальных учреждений семей, в которых проявлялось насилие; назначение курсов психологической помощи для таких семей; обязательное реагирование правоохранительных органов на акты насилия. Важно отметить, что не целесообразно принимать административные меры по простому сообщению о таковом. Необходимо установить факт насилия наличием доказательств (медицинское подтверждение, свидетельские показания и т. п.).

2. Издание разъяснений уголовного законодательства Верховным судом Российской Федерации по преступлениям, совершающимся в семейно-бытовой сфере.

3. Повышение компетентности правоохранительных органов по принятию мер в следствие совершений правонарушений, связанных с домашним насилием.

4. Поддержание государством семей социальных рисков (превентивные меры), в том числе некоммерческих организаций, оказывающих помощь таким семьям.

В заключение нужно отметить, что данный перечень не является исчерпывающим и что проблемы домашнего насилия в России не следует оставлять без решения. Государственные органы должны

принять все возможные меры, что позволит населению чувствовать себя защищенными в своем государстве.

Литература

1. Беседина О.А. Распространенность жестокого обращения с детьми в российских семьях / О.А. Беседина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 55–65.

2. Домашнее насилие: социально-правовой аспект: методическое пособие / Консорциум женских неправительственных объединений. – М., 2013. – 194 с.

3. Досина Н.В. Семейная власть как источник насилия (проблема контроля и преодоления в социальной политике) / Н.В. Досина, Я.О. Смирнов // Власть. – 2009. – № 12. – С. 116–118. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-vlast-kak-istochnik-nasiliya-problema-kontrolya-i-preodoleniya-v-sotsialnoy-politike>.

4. Ершова Е.Н. Домашнее насилие / Е.Н. Ершова // Домашнее насилие: социально-правовой аспект: учебно-методическое пособие. – М., 2013. – 194 с.

5. Алексеенко А.М. Следователь как субъект уголовной юрисдикции / Алексеенко А.М. // Современная научная мысль. – 2017. – № 4.

6. Сланова А.Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России / А.Ю. Сланова // Дискуссия. – 2015. – № 10. – С. 127–131.

7. Коршакова К.В. Некоторые проблемы оценки судом косвенных доказательств в гражданском процессе / К.В. Коршакова, Н.С. Мысык // Современная научная мысль. – 2017. – № 2.

8. Кожухарик Д.Н. Разграничение покушения на убийство от причинения тяжкого вреда здоровью / Д.Н. Кожухарик, П.Т. Савин // Современная научная мысль. – 2017. – № 4.

9. Крюк В.С. Женщина в зеркале семейно-бытового насилия: от виктимизации до криминализации / В.С. Крюк // Современная научная мысль. – 2017. – № 5.

МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Оганесян Д.Р., студент, Яблонская Л.В., к.филол.н., ст. преподаватель кафедры гражданского и международного права

Государственный морской университет

имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,

г. Новороссийск

Использование механизмов государственно-частного партнерства в настоящее время получает всё большее распространение на территории Российской Федерации. Оно включает в себя ряд форм сотрудничества, позволяющих извлекать публичному и частному партнерам взаимную выгоду, и в целом направлено на достижение социально-значимого результата. Необходимо отметить, что такая форма

сотрудничества государства и бизнеса является новой, не получила соответствующего правового регулирования, поэтому неудивительно, что система уголовно-правового обеспечения данной деятельности ещё далека от совершенства. Вместе с тем, фактическая реализация положений института государственно-частного партнерства находит на практике все большее применение [5; 10].

В современных условиях механизм государственно частного партнерства является эффективным средством реализации крупных инфраструктурных проектов. Оно направлено на привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации и повышение качества товаров, услуг, работ. Современные проблемы недостатка инвестиций со стороны частного сектора при реализации инфраструктурных проектов и возможность их решения при совершенствовании правового регулирования определяют актуальность изучения алгоритма взаимодействия государственных структур и частного бизнеса в решении социально-значимых проблем [8].

Создание, развитие и эксплуатация объектов транспортной инфраструктуры – дорог, мостов, тоннелей, портов, аэропортов – исторически рассматривалось как исключительная прерогатива государства. Однако в последние десятилетия ситуация изменилась.

Достижение целей устойчивого развития, обеспечение экономического роста и улучшение качества жизни населения невозможно без наличия современной и эффективно функционирующей автодорожной инфраструктуры. Несоответствие количества и качества автомобильных дорог уровню автомобилизации и спросу на автомобильные перевозки приводит к существенному росту бюджетных

расходов, снижению скорости движения, продолжительным простоям транспортных средств, повышению уровня аварийности. Бездорожье и неудовлетворительное состояние автомобильных дорог являются также серьезным ограничением для использования транзитного потенциала международных грузовых перевозок и необходимой подвижности населения и мобильности трудовых ресурсов. Государственно-частное партнерство признано одним из ключевых способов решения проблем развития дорожного сектора и привлечения негосударственного финансирования в данный сектор. Сегодня примеры государственно-частного партнерства есть на всех видах транспорта, но на речном транспорте оно пока не получило развития. Механизм государственно-частного партнерства на речном транспорте был апробирован в Алтайском крае в 2015 году [9].

При росте требований к качеству инфраструктуры в условиях развития экономики все сильнее сказывается бюджетный дефицит и организационные недостатки, объективно присущие системе государственного управления. Вместе с тем попытки применения полной приватизации в этом секторе оказываются, как правило, неудачными, поскольку частные владельцы действуют исключительно в интересах извлечения прибыли, не заботясь о сохранении общественной направленности приватизированных предприятий.

По этой причине в мировой практике и в Российской Федерации все большее распространение получают механизмы государственно-частного партнерства.

На сегодняшний день права и обязанности публичного и частного партнеров определяются следующими нормативно-правовыми актами:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

Согласно статье 3 Федерального Закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [3].

Государственно-частное партнерство основано на открытости и доступности информации о функционировании данного института (за

исключением сведений, составляющих государственную тайну и иную охраняемую законом тайну), обеспечение конкуренции, отсутствие дискриминации, равноправии сторон соглашения. Однако, для того, чтобы в полной мере обеспечить действие данных принципов, не допустить хищение, коррупционную составляющую, необходимо ввести уголовно правовые нормы, предупреждающие совершение преступлений в ходе функционирования механизма государственно–частного партнерства.

Повышаются требования к эффективности уголовно–правового воздействия в связи со значительной криминализацией экономической деятельности, в которой участвует государство, а точнее говоря, ее представители, периодически привлекающиеся к ответственности за коррупционные проявления и хищнические действия, что свидетельствует об актуальности данного исследования. В этом плане следует констатировать потребность в определении механизма уголовно–правового обеспечения государственно–частного партнерства, который не только позволит эффективно привлекать к уголовной ответственности криминальных участников данной деятельности, но и предупреждать совершение преступлений более опасного характера.

На наш взгляд, такими нормами могут являться:

1. Злоупотребления в сфере государственно–частного партнерства, муниципально–частного партнерства, концессионного соглашения.

2. Подкуп члена конкурсной комиссии на право заключения соглашения о государственно–частном партнерстве, муниципально–частном партнерстве.

3. Заведомо ложное экспертное заключение в сфере государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства.

При обеспечении комфортной предпринимательской среды, защиты от произвола и злоупотреблении коррупционного типа доля малого и среднего предпринимательства в соглашения о государственно-частном партнерстве повысится, что позволит существенно обеспечить необходимой инфраструктурой населенные пункты, поднять уровень жизни населения. Ведь наиболее распространёнными проектами государственно-частного партнерства являются: строительство, реконструкция транспортной инфраструктуры (аэропортов, автомобильных и железных дорог, тоннелей, мостов), общественных объектов недвижимости (больниц, школ, музеев), коммунальных сооружений (объектов в сфере канализации, водоснабжения, мусоропереработки), а также управление указанными объектами.

Проанализировав функционирование института государственно-частного партнерства в 2018 году, можно отметить, что за прошедший год 353 проекта с использованием механизма государственно-частного партнерства прошли стадию коммерческого закрытия (были заключены соответствующие соглашения), что в 1,5 раз меньше, чем в 2017 году. Такой рост произошел за счет завершения двух крупнейших проектов: строительства железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино (126,6 млрд рублей частных инвестиций) и Северного широтного хода (103 млрд рублей частных инвестиций). Таким образом на рынке государственно-частного партнерства в 2018 году количество проектов уменьшилось, а количество инвестиций увеличилось, что и обеспечило результативность проектов [7].

В отраслевом разрезе лидером остается автодорожная инфраструктура, на которую приходится около 40% всех привлеченных инвестиций в развитие транспортной сферы. Масштабное развертывание строительства путепроводов станет безусловным трендом ближайших лет. Данные объекты подразумевают развитие множества сопутствующих объектов, таких как авто- и железнодорожные станции, парковки, строительство развязок и подъездов, реконструкцию близлежащих улиц, строительство многофункциональных комплексов и т. д.

Можем заметить, что в механизме государственно-частного партнерства есть поле для образования личной заинтересованности одной из сторон соглашения. При этом сам институт направлен на минимизацию расходов бюджетов различного уровня и экономию денежных средств. Вместе с тем этот механизм способен осуществить свое функционирование и в ином направлении, осуществляя прикрытие от противоправных действий с бюджетными средствами. Следовательно, при использовании данного механизма, построенного на удовлетворении запросов государственных и муниципальных органов власти, частного партнера и общества в целом не гарантируется защита экономической подсистемы от коррупционных проявлений, также есть возможность для легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем. Именно поэтому достаточно актуальным становится вопрос необходимости декриминализации преступлений, связанных со злоупотреблением в сфере государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства, концессионного соглашения [7].

Государственное участие не просто необходимо для усиления доли в капитале и сохранения контроля за стратегически важными направлениями развития железных дорог и инфраструктуры в целом, а важно еще и потому что, модель государственного-частного партнерства не работает без государственного участия, в ней нет смысла. При этом есть, например, федеральная контрактная система, где каждый частный субъект может реализовать себя в проекте самостоятельно. Партнерство должно быть таковым: один партнер - не партнер. Оно должно быть публично-частным, тем более что большинство проектов являются социально-значимыми. Другое дело, что требуется несколько упростить «процедуры оформления публично-частного партнерства для регионального и муниципального уровней, поскольку длительные сроки, многоэтапные процедуры, многочисленные согласования (проведение предварительных конкурсов, последующих торгов и пр.) существенно отдалают результат, а, следовательно, и положительный эффект публично-частных партнерских отношений. С другой стороны, думается, что не следует идти по пути прямого упрощения процедур, поскольку возникает угроза потери базовой идеи партнерства - масштабности реализуемых проектов, социально-значимого эффекта для населения данной территории.

В любом случае законодательство предполагает исключительно конкурсный порядок заключения соглашений о государственно-частном партнерстве. Вместе с тем, поскольку частный партнер и так уже проходит конкурсный отбор инвестиционных проектов было принято логичное решение изъять соглашения в рамках государственно-частного партнерства из сферы действия общих законов о кон-

курсных закупках, о конкурсном порядке получения земли и т.п. Тем более, что они направлены на решение социально значимых задач.

Именно поэтому, при возможности привлечения малого и среднего бизнеса иные регионы Российской Федерации (помимо г. Москвы, г. Санкт-Петербург, Московской области, которые являются лидерами отрасли) будут реализованы общественно – значимые проекты и программы в широком спектре отраслей экономики, социальной и инновационной сфере [9]. Ведь важным вопросом в государственно – частном партнерстве является степень вовлеченности частного сектора на территории всей страны. Для этого необходимо обеспечить частный сектор благоприятной предпринимательской средой, гарантиями от произвола со стороны властей и коррупции. Именно такой предупредительной нормой и может послужить статья Уголовного Кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за подкуп члена конкурсной комиссии на право заключения соглашения о государственно - частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве. Ведь у каждого представителя частного сектора должны быть равные права и возможности для участия в конкурсе на право заключения соглашения.

Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ в уголовный кодекс РФ были введены статьи 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» и 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок», а Федеральным законом от 27.12.2018 № 520-ФЗ статья 200.6 УК РФ «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере заку-

пок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данные статьи были введены с целью предупреждения негативных явлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Данные нормы ликвидируют криминальную схему, которая осуществлялась в сфере государственных закупок. Следует также отметить, что отчасти данные нормы предупреждают преступления, которые могут возникнуть в связи с функционированием института государственно-частного партнерства, однако они охватывают лишь малую часть действий, совершаемых в данной области. Остальные преступные деяния, совершаемые на сегодняшний день, остаются вне поля регулирования уголовного законодательства.

На наш взгляд, необходимо включить статьи в Уголовном Кодексе РФ, которые бы предохраняли остальную часть действий, совершаемых в результате функционирования института государственно-частного партнерства от преступных посягательств. Это поможет эффективно его применять, а также устранить коррупционную составляющую на определенных этапах реализации института государственно-частного партнерства.

Согласно ст. 19 ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» соглашение о государственно-частном партнерстве заключается по итогам проведения конкурса на право заключения соглашения и ст. 13 ФЗ «О концессионных соглашениях» концессионное со-

глашение заключается путем проведения конкурса на право заключения концессионного соглашения.

На данном этапе возникает множество вероятностей заинтересованности одной из стороны соглашения, следовательно, и вероятность появления коррупционной составляющей или личной заинтересованности в заключении договора. На текущий момент нет уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за преступные деяния в данной отрасли, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности.

Также, согласно ст. 22 ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и ст. 25 ФЗ «О концессионных соглашениях» для проведения конкурса создается конкурсная комиссия. Конкурсная комиссия вправе привлекать к своей работе независимых экспертов [2].

В целях предотвращения преступных деяний, возникающих в процессе функционирования института, на наш взгляд, является необходимым установление нижеперечисленных статей:

200.7 УК РФ «Злоупотребления в сфере государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства, концессионного соглашения».

1. Нарушение законодательства Российской Федерации о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве членом комиссии по осуществлению конкурса на право заключения соглашения, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы публичного партнера, если это деяние совершено из коры-

стной или иной личной заинтересованности и причинило крупный ущерб.

2. Действие, предусмотренное частью 1 настоящей статьи:

- а) совершенное группой лиц по предварительному сговору;
- б) причинившее особо крупный ущерб.

Данная норма устанавливает запрет на криминальную экономическую деятельность, которая может быть допущена при функционировании механизма государственно-частного партнерства. В связи с тем, что возникает множество вероятностей заинтересованности одной из сторон соглашения, и как следствие, вероятность заключения соглашения из корыстной или иной личной заинтересованности.

200.8 УК РФ «Подкуп члена конкурсной комиссии на право заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, концессионном соглашении».

1. Незаконная передача члену комиссии на право заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, концессионном соглашении либо иному уполномоченному лицу, представляющим интересы публичного партнера, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление других имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с заключением соглашения о го-

сударственно-частном партнерстве, муниципально–частном партнерстве, концессионного соглашения.

2. Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи:

- а) совершенное группой лиц по предварительному сговору;
- б) в крупном размере.

3. Деяния, предусмотренные частью первой, пунктом «а» части второй настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере.

4. Незаконное получение лицами, указанными в части первой настоящей статьи, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование ими услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию таких лиц имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с заключением соглашения о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, концессионного соглашения (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями пятой восьмой статьи 204 и статьей 290 УК РФ).

5. Деяния, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, если они:

- а) совершены группой лиц по предварительному сговору;
- б) сопряжены с вымогательством предмета подкупа;
- в) совершены в крупном размере.

6. Деяния, предусмотренные пунктами «а» и «б» части пятой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере.

Криминализация данного преступного деяния будет предупреждать незаконную передачу члену комиссии на право заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, либо иному уполномоченному лицу, представляющим интересы публичного партнера, денег, ценных бумаг, иного имущества за совершение действий в интересах дающего или иных лиц в связи с заключением соглашения о государственно-частном партнерстве. Отчасти, это лишит возможность внедрять криминальные деньги теневой экономики.

200.9 УК РФ «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства, заключения концессионного соглашения».

Дача экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в сфере государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства, заключение концессионного соглашения если это повлекло причинение крупного ущерба.

Так как конкурсная комиссия на право заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, концессионном соглашении вправе привлекать к своей работе независимых экспертов, то и необходимо установление ответственности за дачу заведомо ложного экспертного заключения в сфере государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства, заключение концессионного соглашения если это повлекло причинение крупного ущерба.

Действие данных норм поможет предупредить наступление негативных последствий в процессе функционирования института госу-

дарственно–частного партнерства, тем самым обеспечив частного партнера благоприятной предпринимательской средой, а государство–эффективной деятельностью со стороны бизнеса. Таким образом, соглашение о государственно–частном партнерстве будет обеспечивать равноправие сторон соглашения, отсутствие дискриминации, обеспечение конкуренции, и как следствие, станет экономически выгодным государству, частному партнеру и обществу в целом.

Литература

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019).

2. Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ.

3. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ.

4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

5. Долгов А. Новый Федеральный закон о ГЧП – возможности и ограничения для новых инфраструктурных проектов. – HoganLovells, 2015. – 130 с.

6. Камалиева Л.А., Следь Ю.Г. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Современная научная мысль. – 2017. – № 6.

7. Mullakaev M.S. Ultrasonic intensification of the processes of enhanced oil recovery, processing of crude oil and oil sludge, purification of oil-contaminated water. – М.: HELRI, 2018. – 376 p.

8. Гладов А.В., Исупов А.М., Мартышкин Д.В. и др. Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнерства: общая характеристика и организационно-институциональные основы // Вестник СамГУ. – 2008. – № 7. – 185 с.

9. Зверев А. Законодательное регулирование государственно-частного партнерства: риски и перспективы развития // – М.: ООО «Фирма А-ФОРТ-ЮГ», 2009. – 244 с.

10. Шевченко А.И. Экономические и правовые особенности современной России в социально-философском контексте / А.И. Шевченко // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития: Сборник статей международной научно-практической конференции, 2016. – С. 195–197.

11. Официальный сайт Центра развития государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // <http://pprcenter.ru>.

12. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/index>.

ПРЕСТУПНОСТЬ ЖЕНЩИН И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

*Падунова М.С., студент, Меликян А.М., д.ю.н., профессор
Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир*

Как известно, женщины более социально незащищены, физически и психологически слабее мужчин. Но вместе с тем, женщины, быстрее и легче приспосабливаются к быстро меняющимся жизненным реалиям, и часто там, где объективно складывающиеся обстоятельства ставят мужчину в тупик, женщина непременно найдет выход.

Преступность женщин отличается от преступности мужчин, как сказал акад. В.Н. Кудрявцев и характером преступления, и его последствиями, и способами, и орудиями совершения преступления, и выбором жертвы и стечением семейно-бытовых обстоятельств, также преступления женщин отличаются от преступлений совершенных мужчинами большей эмоциональностью, необдуманностью.

Наиболее распространенными среди женщин преступлениями являются кражи личного, государственного и общественного имущества, В.Н. Кудрявцев считает, что данная категория преступлений занимает 15% в общей преступности женщин.

Типичное для женщин преступление – детоубийство. В последнее время наблюдается тенденция к росту данной категории преступлений, особенно явно данная тенденция проявляется в сельской местности.

Детоубийство, – т. е. лишение жизни новорожденного ребенка. Данная категория преступлений совершается, прежде всего, молодыми женщинами, плохо адаптировавшимися к современной жизни, не имеющим средств к существованию, своего жилья. Детоубийства совершаются чаще всего в сельской местности, где нет достаточного медицинского оснащения для ранней диагностики и прерывания нежелательной беременности. Сказывается и малодоступность средств контрацепции, неграмотность девушек – подростков, отсутствие у них элементарного полового воспитания.

Заслуживает внимания также и насильственная преступность женщин по данным В.Н. Кудрявцева 1% женщин составляют лица, осужденные за убийства и покушения на убийства, 1% - осужденные за нанесение тяжких телесных повреждений, более 3% - за грабежи и разбойные нападения с целью завладения государственным, общественным и личным имуществом граждан.

Кражи – наиболее часто совершаются женщинами в городах, это объясняется тем, что в городах больше магазинов, торговых точек, предприятий общественного питания, большую роль играет также большее количество населения по сравнению с сельской местностью, так как при столь великой массовости населения данную категорию преступлений труднее всего выявить в городах. Среди женщин, совершающих кражи, немало женщин, совершающих их постоянно, бродяг и попрошайек, не имеющих постоянного места жительства. И именно данная категория лиц представляет наибольшую сложность для проведения различного рода мероприятий по предупреждению преступлений и исправлению преступниц.

Насильственные преступления женщин занимают небольшой процент по сравнению с насильственными преступлениями мужчин всего 7-10%, это объясняется различием социальных ролей мужчины и женщины. Существенно отличаются мотивы совершения данной категории преступлений женщинами. Ими является прежде всего ревность, чувство мести, зависти, стремление избавиться от потерпевшего. Многие преступления совершаются женщинами на почве ярко выраженного противоправного поведения самих потерпевших. В последние годы наблюдается рост таких преступлений женщин как убийства из хулиганских или корыстных побуждений, в ходе разбойных нападений. Интересен тот факт, что наблюдается рост насильственных преступлений, совершенных с особой жестокостью; это объясняется, на мой взгляд, переменой социальной роли женщины, разрушением института семьи и вследствие этого психологической неуверенностью женщины, отсутствием необходимых навыков воспитания детей, зависимостью ее от различного рода неблагоприятно складывающихся обстоятельств.

При изучении личности преступниц необходимо рассмотреть определенные группы личностных признаков, естественно с учетом определенных черт, которые связаны с половой принадлежностью.

Выборочные криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют о том, среди преступников, женщин гораздо меньше, чем мужчин. Наиболее крупную группу среди женщин-преступниц занимают лица в возрасте до 30 лет (около 48%).

Но среди отдельных категорий соотношение различных возрастных групп может быть иным.

Общеизвестно закономерность, что среди взяточниц и крупных расхитительниц преобладают лица средних и старших возрастов, из больше и среди женщин-рецидивисток. В возрасте 30 - 40 лет наблюдается наиболее широкое участие женщин в общественном производстве, растут их социальные контакты. В эти годы женщины нередко назначаются на руководящие должности, и иногда это приводит к преступлениям корыстного характера (хищениям, взяточничеству). Женщины, совершившие преступления как правило старше 40 лет, одиноки, что обусловлено распадом их супружеских связей и потерей родителей.

Крупную по численности группу среди женщин, совершивших насильственные преступления, занимают лица в возрасте 18–24 года, порядка шести пунктов меньше занимают лица в возрасте 30–40 лет.

В связи с тем, что к женщинам, совершившим преступления, проявляется гуманность (если совершены не очень серьезные правонарушения) и становятся они на преступный путь, как правило, намного позже, чем мужчины, то женщины, осужденные к лишению свободы, в сравнительном отношении старше, чем мужчины.

В момент совершения преступления немногим более половины женщин состояли в брачных отношениях. У тех из них, кто в результате осуждения не был наказан к лишению свободы, семья, как правило, не распалась. У женщин, содержащихся в местах лишения свободы, сохранилась семья лишь у 22.8%. Меньше всего женщин, состоящих в брачных отношениях среди преступниц, совершивших убийство своего новорожденного ребенка. Убийство ребенка объясняется, как правило, наличием неблагоприятных обстоятельств или

ранней половой жизни, отсутствием мужа, материальными затруднениями, ненадлежащими жизненными условиями для воспитания будущего ребенка. Все это способствует тому, что беременная женщина пытается сделать аборт, а если это не удастся, то совершает детоубийство. На принятие такого решения могут оказывать влияние лица, от которого женщина находится в материальной или иной зависимости: отец будущего ребенка, родители, родственники, знакомые.

Следует сказать, что заметное большинство осужденных к лишению свободы женщин (67,7%) имеют детей, причем каждая четвертая – двух и более. Среди них немало матерей-одиночек.

Что касается состояния здоровья преступниц, то по имеющимся данным Михлина А.С. 25–30% осужденных к лишению свободы женщин имели различные психические аномалии. Аномальных преступниц несколько больше среди несовершеннолетних. Среди них немало и тех, у кого были обнаружены венерические заболевания. Так, из каждой ста осужденных девушек примерно у двух был диагностирован сифилис и еще у двух-трех гонорея.

Несмотря на то, что около 30% осужденных женщин страдают психическими аномалиями, на общем фоне по сравнению с мужчинами-преступниками, преступницам в меньшей степени присущи антисоциальные установки, убеждения, социально-психологическая адаптация мало нарушена (за исключением рецидивисток). Для наиболее эффективной профилактики необходимо выделение внутренних личностных предпосылок, выявить почему негативно отклоняющиеся от социальных норм поведение приняло негативный характер [7; 8; 9].

Психологическая зависимость женщин-преступниц выражается в зависимости от общественного мнения, от взгляда со стороны так как данная категория лиц не составляет исключения из всех женщин. Общеизвестен факт, что для женщин очень важна оценка со стороны других людей и то, какое впечатление они производят, для свойственна такая черта, как демонстративность. Демонстративность поведения у женщин-преступниц служит (в психологическом плане) целям самоутверждения. Но повышение демонстративности поведения у таких лиц одновременно снижает и контроль за ним.

В связи с совершенном преступлением женщины, как правило, испытывают чувство вины, обеспокоены своим дальнейшим существованием. В период отбывания наказания в исправительно-трудовом учреждении им присуще стремление изменить существующее положение (которым они естественно недовольны) в гораздо лучшую сторону. У женщин-преступниц сильно повышена тревожность, отмечается эмоциональная ранимость.

Для преступного поведения женщин характерна импульсивность, они более чувствительны и менее логичны, чем мужчины.

Среди женщин, впервые осужденных за убийство и нанесение тяжких телесных повреждений, отмечаются волевые качества, настойчивость в достижении цели. Этой категории преступников свойственны асоциальные взгляды и установки, то есть такие, которые не носят характера активного неприятия, целенаправленного и осознанного отрицания общепринятых норм и ценностей. С чем же это связано? Изучение личности совершивших убийство выявляет у них социальную психологическую зависимость от другого лица. Убийцы

как правило относятся к такой категории людей, для которых свободная и самостоятельная адаптация к жизни – всегда трудная проблема.

Латентной преступностью называется преступность, скрытая от органов расследующих или рассматривающих дела о совершенных преступлениях, т. е. это преступления не выявленные этими органами и не нашедшие отражения в учете уголовно-наказуемых деяний, т. е. не зарегистрированные.

Среди преступлений, совершенных женщинами наибольшую латентность составляют кражи и хищения государственного, общественного и личного имущества. Большой латентностью обладают и детоубийства. Латентность насильственных преступлений, совершаемых женщинами приблизительно равна мужской.

Итак, мы рассмотрели такие преступления, совершаемые женщинами как кражи, насильственные преступления и детоубийства.

Назовем наиболее распространенные причины совершения женщинами указанных преступлений.

Первой и наиболее главной причиной, является политическая и экономическая нестабильность в нашей стране, неуверенность в завтрашнем дне, низкая квалификация труда женщин и низкая заработная плата заставляет женщин метаться в поисках более легкого способа приобретения средств на свое существование. А именно совершать кражи, насильственно-корыстные преступления, по этим же причинам женщины совершают детоубийства.

Вторая причина совершения женщинами преступлений как бы вытекает из первой – это возрастающая напряженность в обществе,

всеобщая беспомощность, злобность, неумение приспособливаться к новым более трудным условиям жизни.

Третьей причиной роста женской преступности, роста совершаемых женщинами краж является более активное участие женщин в общественном производстве, очень часто забота о детях, обеспечение себе более или менее обеспеченного существования ложиться на плечи женщин, которые нередко становятся единственными кормилицами в семье.

Четвертой причиной роста женской преступности является существенное ослабление такого социального института как семья, наблюдается духовное отчуждение между супругами и детьми. Постоянно пропагандируемая средствами массовой информации сексуальная революция и независимость пагубным образом влияет на молодые, неокрепшие семьи, приводит к всеобщей распущенности и переоценке жизненно-важных ценностей, неправильному воспитанию девушек-подростков.

Пятой причиной роста женской преступности является рост таких антиобщественных явлений как наркомания, алкоголизм, проституция, бродяжничество и попрошайничество.

В нашей стране наркомания и алкоголизм приобретают угрожающие размеры, для постоянного употребления наркотических веществ, требуются немалые денежные средства, а зависимость от наркотиков снимается только чрезвычайно сложным и дорогостоящим лечением, поэтому женщины, употребляющие наркотические вещества и спиртные напитки, идут на преступления. Кроме того, у них отсутствуют различные социальные установки, жизненные ценности,

часто средством получения денежных средств выступают занятия проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством.

Таким образом, мы перечислили основные причины совершения женщинами преступлений. Такие знания чрезвычайно важны, так как, зная причины совершения преступлений, устранив тот или иной неблагоприятный фактор, мы можем предупредить преступление, что, несомненно, будет являться благом для общества и человека.

Преступность искоренить невозможно, но возможно ее предупредить.

Предупреждение преступлений должно сводиться к ликвидации причин способствовавших их совершению.

В первую очередь наше общество должно достичь иного состояния, состояния защищенности людей, человек должен ощущать на себе заботу государства и у него не должно возникать потребности добывать себе средства к нормальному существованию преступным путем. Но это глобальная проблема нашего общества на сегодняшний день.

В отношении же предупреждения женской преступности необходимо выработать основополагающие принципы профилактической работы с женщинами склонными к совершению преступлений и правонарушений. Такими принципами могут выступать гуманность и милосердие.

Большое внимание следует уделить семье, оказывать разного рода помощь не только в материальном плане, но и в плане воспитания детей, воспитания в девочках – подростках таких исключительно женских качеств как женственность, нежность, забота о ближних.

Большое значение имеют в наше время различные женские движения, защищающие интересы женщин и отстаивающие их права.

Оказывают влияние на предупреждение преступности и отделения внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, проводящие индивидуально-профилактическую работу по предупреждению преступлений с трудными подростками и неблагополучными семьями.

Кроме того, необходимо решить проблему с малоквалифицированным трудом женщин, с их занятостью полный рабочий день, ведь на плечи женщин, кроме основной работы, ложится забота о семье и детях, необходимо чтобы женщина получала полноценный отдых, не испытывала депрессии, чувства постоянной спешки, неудачливости, хронической усталости.

Необходимо также проводить комплекс мероприятий, направленных на раннюю профилактику сексуальной деморализации, в этом необходимую помощь могут оказать психологи, медицинские работники, оказывающие гинекологическую и венерологическую помощь. Они могут не только выявлять и лечить различные гинекологические заболевания и болезни, но и устанавливать тех женщин, которые начали совершать аморальные действия, а также источник развращающего влияния на несовершеннолетних.

Большое значение в наши дни на профилактику преступности оказывает церковь. Церковь с ее гуманным отношением к человеку, провозглашением ненасилия, любви и взаимопомощи, скромности и послушания, с ее умением умиротворять людей имеет все возможно-

сти способствовать снятию социальной напряженности и в частности снижению тревожности женщин.

Проблемы предупреждения преступности женщин должны решаться в русле борьбы с преступностью в целом. Обязательной предпосылкой успешности специальных мер (программ) по предупреждению преступности женщин является достижение качественно иного состояния нашего общества.

В новом обществе женщина должна занять принципиально иной жизненный статус, она должна быть защищена законом, обычаями и традициями, ее следует избавить от роли основной или даже равной с мужчинами «добытчицы» материальных благ, больше сосредоточив силы и внимание на семье, детях [10].

Необходимо выработать общий основополагающий принцип профилактической работы с женщинами, которые совершили или могут совершить преступление. В качестве такого принципа могут выступать гуманность и милосердие к этим женщинам, понимание причин, толкнувших их на уголовно наказуемые или безнравственные поступки, стремление помочь им выйти из порочного круга, разобраться в собственной жизни. Гуманность и милосердие к женщинам должны проявляться не только в действиях конкретных должностных лиц или представителей общественности. Ими должны быть проникнуты законы – уголовный, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный, другие нормативные акты, например, правила внутреннего распорядка в исправительных учреждениях. От того, насколько соблюдается указанный принцип, можно судить об уровне

нравственности в обществе, об овладении им общечеловеческими ценностями.

Профилактика антиобщественного поведения и преступлений женщин имеет большое моральное значение. Положительные результаты в этой области могут привести к оздоровлению нравственности, укреплению социально одобряемых отношений во многих областях: жизни и в первую очередь в семье, улучшению воспитания подрастающего поколения.

Работа по предупреждению преступности женщин должна охватывать, прежде всего, те сферы жизнедеятельности, в которых формируются негативные черты их личности и в которых они чаще совершают преступления. Это быт и производство. Помимо воздействия на криминогенные факторы в каждой из этих сфер общество должно стремиться к определенной гармонизации ролей, исполняемых в той и другой. Исполнение роли в одной из них не должно, как сейчас, исключать или затруднить выполнение свои обязанностей в другой. Крайне нежелательно, например, чтобы загруженность на работе мешала уходу за детьми или полноценному отдыху. Все эти вопросы решить чрезвычайно трудно, поскольку они связаны с глобальными проблемами общества, общим экономическим развитием страны, изменением многих наших привычных представлений. Однако без их решения эффективно предупреждать антиобщественное поведение женщин невозможно.

Нынешние времена все больше заставляют женщин самих бороться за то, чтобы обеспечить себя, иногда активно работая локтями. Поэтому чрезвычайно значение имеет воспитание женственности,

женского, а не мужского типа поведения. Это, по-видимому, очень важно для пресечения роста насильственной преступности женщин, которая представляет собой большую угрозу нравственному здоровью общества. Такое воспитание требует особой подготовленности, особого мастерства воспитателей. Оно должно начинаться в семье, а закрепляться в школе. Однако подобная переориентация определяется и характером общения, в которое включена девочка и девушка, положением женщины в обществе, уровнем его нравственности.

Особое значение для профилактики преступности женщин имеет помощь семье, как бы малы ни были наши возможности сейчас для такой помощи, в том числе в рамках специальных программ.

Большую роль в предупреждении преступности женщин призваны сыграть инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, поскольку воспитательное воздействие на девушек-подростков, могущих стать на преступный путь, не только весьма гуманный, но и очень эффективный способ борьбы с этим видом преступности. Сотрудники инспекций должны быть вооружены знаниями психологии (женской, в частности) и педагогики, умением выявлять таких подростков и оказывать им необходимую помощь, в том числе медицинскую.

В ранней профилактике сексуальной деморализации девочек более заметную роль могут сыграть медицинские работники, оказывающие им гинекологическую и венерологическую помощь. Они способны не только своевременно выявлять и лечить гинекологические расстройства и венерические болезни, но и устанавливать тех из них, которые уже начали совершать аморальные действия, а также

источник развращающего влияния на несовершеннолетних. Гинекологи могут фиксировать и случаи посягательств на их половую неприкосновенность и принимать необходимые меры медико-педагогического характера к потерпевшим, ставить перед компетентными органами вопрос о привлечении к ответственности лиц, совершивших такие посягательства.

Подводя общий итог можно сделать вывод о том, что предупреждение женской преступности позволит укрепить законность и правопорядок в нашем государстве, очистить нравственную атмосферу в обществе и улучшить воспитание подрастающего поколения. Среди этих общих проблем данное направление должно занимать определенное место, более того, необходимы особые программы или концепции профилактики преступности женщин, неизбежно учитывающие причины преступности женщин и причины их индивидуального преступного поведения.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019).

3. Криминология: учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 2017.
4. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. – М., 2015.
5. Серебрякова В.Н. Зырянов В.Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами.
6. Горяннов К.К. Латентная преступность, результаты исследования и меры борьбы. – М., 2015.
7. Доклад акад. В.Н. Кудрявцева «Современные проблемы борьбы с преступностью в России» // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 69. – № 9. – С. 790–797.
8. Шевченко А.И. Методологический конструкт исследования проблем социальной адаптации и интеграции инвалидов в современном обществе / А.И. Шевченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 62–65.
9. Шевченко А.И. К вопросу о специфике проблем людей с ограниченными возможностями в сфере занятости и трудоустройства и пути их решения / А.И. Шевченко // Общество и право. – 2013. – № 4(46). – С. 277–280.
10. Упоров И.В. Уголовное наказание как предмет отечественной правовой мысли новейшего времени / И.В. Упоров, Р.А. Эфрикян // Современная научная мысль. – 2016. – № 5.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ткаченко М.А., курсант, Науменко О.А., к.ю.н., доцент

Краснодарский университет МВД России,

г. Краснодар

Преступники в целях хищения денежных средств со счетов граждан используют различные компьютерные программы, которые ежегодно видоизменяются, мошенники «маскируют» преступные намерения и действия под видом оказания законных услуг, продажи товаров и пр. [14; 15] Законодатель в связи с новыми способами мошенничества, применения преступниками технических устройств и использованием сети Интернет, вносит коррективы в уголовное законодательство. Так, например, Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ внесены изменения в ст. 159.3. (мошенничество с использованием электронных средств платежа), ст. 159.6. (мошенничество в сфере компьютерной информации), связанные с противоправными действиями преступников с электронными денежными средствами потерпевших.

Указанные обстоятельства требуют их исследования, разработки новых рекомендаций по расследованию мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет. Отметим, что статистические сведения о количестве зарегистрированных преступлений, для которых использовалась сеть Интернет, ежегодно растет. Наиболее распространенными преступлениями остается мошенничество. Так, по

итогах 2018 года в структуре преступности большую часть занимают именно преступления против собственности (41,3 %), а мошенничество за январь – март 2019 года занимает 3 место по количеству зарегистрированных преступлений после кражи, раскрываемость мошенничества за три месяца 2019 года составила менее 25% [12, с. 23].

Общественно опасное деяние, совершенное посредством сети Интернет, нередко попадает под несколько юрисдикций благодаря транснациональной природе сети Интернет [8, с. 13].

Мошенничество согласно ст. 159 УК РФ – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [4, с. 56].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» способами совершения мошенничества являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом [6, с. 9].

Мошенничество, совершаемое в сети Интернет или посредством такой сети, может квалифицироваться по уголовному закону, включая несколько разновидностей:

1) мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ);

2) мошенничество с использованием электронных средств платежа (159.3 УК РФ);

3) мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (159.6 УК РФ).

Необходимо отметить, что «по смыслу статьи 159.6 УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо

ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ» [4, с. 56].

Выражая согласие с мнением Р.С. Белкина и Т.В. Аверьяновой, определяющие криминалистическую характеристику преступления как вероятностную модель события, которая как таковая, может быть основанием для вероятностных умозаключений - следственных версий [7, с. 657], отметим, что криминалистическая характеристика позволяет правильно квалифицировать преступление, определить обстоятельства, подлежащие выявлению и доказыванию, построить правильную последовательность производства отдельных следственных действий и в целом спланировать расследование. Криминалистическая характеристика преступлений складывается из различных взаимозависимых и взаимосвязанных элементов: характеристика типичной исходной информации; системы данных о типичных способах совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичных последствиях их применения; личность вероятного преступника и вероятные мотивы и цели преступления; личность вероятной жертвы преступления и данные о типичном предмете посягательства; данные о некоторых типичных обстоятельствах совершения преступления; данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению конкретного вида, рода преступлений.

Качественная и количественная составляющие мошенничества в сети Интернет указывают нам на то, что среди многообразия элемен-

тов криминалистической характеристики на основе их свойств представляется целесообразным положить в основу криминалистической характеристики данного вида преступлений в качестве ключевого элемента – способ совершения мошенничества и личность преступника, так как не каждый будет реализовывать свои преступные умыслы, используя сеть Интернет, что будет обусловлено ее неперсонофицируемостью и условной анонимностью.

Способы использования Интернета для совершения мошенничества будут обусловлены свойствами сети: удаленностью, отсутствием централизации и транснациональным характером. Приведем следующие способы мошенничества в сети Интернет:

– «Неожиданные деньги» (получение наследства, возврат денежных средств), вынуждающие потерпевшего передать злоумышленнику небольшую денежную сумму для оформления документов на вступление в право владения каким-либо товаром;

– «Неожиданные выигрыши» (приз, выигрыш в лотерею, путешествие в подарок), заставляющие жертву осуществлять денежные переводы преступнику для достижения поставленной им мнимой цели;

– «Благотворительность», в ходе которой лицо жертвует определенную сумму денег на лицевые счета подставных благотворительных сайтов и организаций, подконтрольных мошеннику;

– «Свидания и отношения» – схема, при которой потерпевший заводит заочный роман по переписке с жертвой и выманивает деньги на «непредвиденные нужды»;

– «Телепаты и ясновидящие» – представляясь лицом, знающим будущее потенциальной жертвы, и подтверждая это сведениями, полученными о ней из открытых источников (в основном из социальных сетей), убеждают ее узнать свое «будущее», но за дополнительную плату;

– «Мобильные сервисы», т. е. ряд содержащихся в мошеннических рассылках смс-запросов, при осуществлении которых с абонентского счета жертвы списывается определенная сумма средств на лицевой счет мошенника. В преступные действия может входить изготовление, распространение и использование вредоносных программ, которые позволяют дистанционно подменять платежные распоряжения с компьютерных устройств потерпевших либо дают возможность управлять операциями выдачи денежных средств из банкоматов. Путем дистанционного проникновения в компьютерные системы банков, организаций, мошенники используют сбои или недостатки в обеспечении безопасности в их работе, что позволяет незаконно списывать денежные средства с банковских счетов;

– создание Интернет сайтов, магазинов по продаже товаров, услуг, которые фактически покупателю не оказываются.

Что касается самого механизма совершения мошенничества в сети Интернет - с использованием вредоносных компьютерных программ, его условно можно разделить на несколько этапов:

1. Использование вредоносной компьютерной программы (при необходимости – ее создание или модификация)– места подготовки хищений денежных средств с использованием компьютерных технологий могут находиться по месту жительства либо работы преступ-

ника. Они оборудованы соответствующей компьютерной и иной техникой, используемой для приобретения, разработки, модификации и распространения вредоносных программ.

Также техника может быть использована для сбора компрометирующей информации, создания и направления в коммерческие банки поддельных электронных расчетных документов, скиммингового (миниатюрное считывающее устройство, которое может крепиться к банкомату) оборудования для совершения хищения и осуществления иных подготовительных мероприятий.

2. Списание денежных средств со счетов потерпевших.

3. Обналичивание похищенных денежных средств (может осуществляться через системы расчетов, электронные кошельки и платежные системы).

Знания о способе совершения мошеннических действий помогают следователю в планировании расследования в дальнейшем, а на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела – верно квалифицировать преступное деяние.

Личностью преступника обусловлены объект преступления, место, способ совершения и сокрытия преступления, его мотив, а также причины и условия, способствующие его совершению, следственные ситуации и т.д. Поэтому корреляционные нити должны протягиваться от личности преступника к другим криминалистически значимым элементам преступного события [9, с.250–251]. Криминалистически значимые данные о личности преступника в настоящее время базируются на двух специфических типах информации:

1) данные о личности неизвестного преступника, как по оставленным им следам на месте преступления, в памяти свидетелей, так и по другим источникам с целью установления направления и приемов розыска преступника и его задержания. Мошенник, совершающий хищение посредством сети Интернет, оставляет лишь цифровой след: идентификационный номер устройства, IP-адрес устройства, MAC-адрес устройства;

2) информация, полученная с помощью изучения личности задержанного подозреваемого или обвиняемого, используемая с целью исчерпывающей криминалистической его оценки. На основании исследования Русакова И.М. можно заключить, что возраст 33% злоумышленников на момент совершения преступления составляет от 14 до 20 лет; 54% – от 20 до 40 лет; 13% – старше 40 лет. Большинство преступников имеет высшее или неоконченное высшее техническое образование (53,7%), а также другое высшее либо неоконченное высшее образование (19,2%) [13, с. 206–208].

Организация предварительного расследования уголовного дела по фактам мошенничества, совершаемого в сети Интернет, обусловлена решением двух последовательных задач:

1) установлением реального IP-адреса, с которого был осуществлен удаленный доступ к сайту мобильного банка и последующее неправомерное списание средств со счета гражданина.

2) установление лица, причастного к списанию средств со счета потерпевшего и доказывание умысла мошенника на совершение преступных действий.

Неустановление в ходе расследования данных о реальном IP-адресе, а, следовательно, и лицах, потенциально причастных к мошенничеству в сети Интернет, приводит к приостановлению предварительного расследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

После возбуждения уголовного дела применительно к наличию данных об IP-адресе, с которого произошел удаленный доступ, как правило, складываются следующие типичные ситуации:

1) известен IP-адрес, с которого осуществлен удаленный доступ и соответствующий ему фактический адрес расположен по месту производства расследования;

2) известен IP-адрес, с которого осуществлен удаленный доступ и соответствующий ему фактический адрес расположен вне места производства расследования, но на территории России;

3) известен IP-адрес, с которого осуществлен удаленный доступ и соответствующий ему фактический адрес расположен за пределами территории России;

4) не известен IP-адрес, с которого осуществлен удаленный доступ.

От сложившейся следственной ситуации зависят особенности дальнейшего планирования расследования хищений на первоначальном и последующем этапе. Следует также не забывать, что по данному виду преступлений, уже на этапе планирования, необходимо предопределить привлечение специалиста к участию в следственных действиях. Планирование может состоять из следующих этапов: анализ имеющейся информации; выдвижение следственных версий и ус-

тановление задач расследования; определение путей и способов решения задач; составление письменного плана проведения расследования [10, с. 30–31].

В отношении неправомерно списанных средств с банковского счета гражданина по факту мошенничества посредством сети Интернет, после возбуждения уголовного дела, как правило, возникают следующие типичные ситуации:

1) средства направлены на банковские счета, в том числе в другие регионы России;

2) средства направлены на банковские счета в иностранные государства;

3) средства зачислены на лицевые счета абонентов сотовой связи;

4) средства поступили на электронные кошельки платежных систем;

5) средства перечислены в счет оплаты товаров (работ, услуг);

б) не установлено, куда именно переведены средства.

Не всегда на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела возможно получить данные IP-адреса. В таком случае главной задачей следователя на первоначальном этапе расследования является установление реального IP-адреса, с которого был осуществлен удаленный доступ к сайту мобильного банка и последующее неправомерное списание средств со счета гражданина осуществляется во взаимодействии с банком, провайдером, а в ряде случаев и с правоохранительными органами иностранного государства.

Представление сведений об IP-адресе обуславливает определение провайдера и последующее выяснение у провайдера фактического адреса. При установлении реального IP-адреса сразу стоит отметить, что в каждой из ситуаций, связанных с удаленным доступом с территории иностранного государства или направлением похищенных средств на банковские счета в иностранные государства, возникает необходимость в направлении запроса по каналам Интерпола в правоохранительные органы иностранных государств-членов Интерпола о преступлении в области высоких технологий, имеющем международный характер.

В ситуации, когда мошенник неизвестен (такие ситуации возникают в большинстве фактов мошенничества в сети Интернет), представляется следующий алгоритм действий:

1) получить судебное решение на производство выемки из банка log-файлов с сервера;

2) произвести выемку, путем записи log-файлов на день списания средств со счета гражданина на CD или DVD, с участием специалиста, приглашенного следователем (дознавателем).

3) в протоколе выемки, помимо конкретного места, времени и способа изымаемой информации, необходимо отразить:

– аппаратные характеристики сервера банка, версия операционной системы на нем;

– сведения о защищенности операционной системы (наименование антивирусной программы, дата обновления баз данных сигнатур вирусов, дата, способы и результаты последней проверки сервера антивирусной программой);

- доступ к log-файлам (общий или ограниченный);
- учетные записи пользователей, имеющих права на запись в log-файлы или таблицы баз данных;

- наличие файлов с логами, их временные метки.

4) назначение судебной компьютерной экспертизы в отношении записанных на CD или DVD log-файлов.

Сегодня расследование уголовных дел по фактам интернет-мошенничества остается довольно сложной задачей для правоохранительных органов. Это обусловлено несколькими факторами, которые возможно разделить на:

1. Проблемы организационного характера:

- высокая стоимость при проведении в негосударственных экспертных учреждениях компьютерно-технических судебных экспертиз;

- длительность проведения компьютерно-технических экспертиз, что влияет на продление сроков расследования преступления;

- длительность получения из компании сотовой связи других регионов информации (1–3 месяца).

2. Проблемы кадрового обеспечения:

- нехватка квалифицированных сотрудников следственного аппарата, имеющих знания в сфере компьютерных технологий;

- недостаточное количество экспертов, имеющих допуск к производству компьютерно-технических судебных экспертиз.

3. Проблемы правового характера:

- отсутствие единой судебной и следственной практики по уголовным делам данной категории;

– отсутствие конкретных единых стандартов реагирования на интернет-мошенничество, современных методик расследования данного вида преступлений (в связи с применением мошенниками новых способов и использованием компьютерных программ);

– использование мошенниками возможности зарубежных IP-адресов, серверов и ресурсов (при осуществлении международного сотрудничества по рассматриваемым преступлениям зачастую поднимается вопрос о возможности использования в качестве доказательств секретных данных одного государства другим, что урегулировано Европейской Конвенцией по взаимной помощи по уголовным делам. Проблема состоит в том, что данную конвенцию некоторые страны не подписали, тем самым создавая сложности при расследовании мошенничества в сети Интернет).

Указанные проблемы, на наш взгляд, решаются путем комплексного подхода. Так, проблемы организационного характера возможно разрешить путем заключения органов МВД России с соответствующими организациями (например, ПАО Сбербанк, ПАО «Мегафон») договоров об электронном документообороте, что позволит устранить длительность получения ответов на соответствующие запросы по уголовным делам о мошенничестве в сети Интернет. Применение автоматизированных систем учета абонентских номеров, IP-адресов, IMEI-телефонов (регистрация и ведение учета осуществляется по номеру регистрации сообщений о преступлении) позволит установить практику обобщения и анализа данных, получаемых в ходе расследования уголовных дел указанной категории [16]. Конечно, не

все перечисленные проблемы возможно решить, но, полагаем, что принимать меры в этом направлении необходимо.

Таким образом, расследование мошенничества, совершенного в сети Интернет имеет свою специфику, которая заключается в решении определенных задач: установление реального IP-адреса, с которого был осуществлен удаленный доступ к сайту мобильного банка и последующие преступные действия, и установление местонахождения мошенника.

Литература

1. Европейская конвенция по борьбе с киберпреступностью (Будапешт, 23 нояб. 2001 г.). – URL: <http://pravo.ru/interpravo/legislative/view/27> (дата обращения: 02.07.2014).

2. Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS N 030 (Страсбург, 20 апреля 1959 г.) (с изменениями и дополнениями).

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. СПС Гарант (Дата обращения 1.09.2019).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 18 дек. 2001 г. № 177-ФЗ. – Доступ из справ.правовой системы СПС Гарант (дата обращения 1.09.2019).

6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» СПС Гарант <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/> (дата обращения 1.09.2019).

7. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2008. – С. 657.

8. Голубев В.А. Киберпреступность – угрозы и прогнозы / Центр исследования компьютерной преступности. –URL: <http://www.crime%research.ru/articles/> (дата обращения: 03.09.2019).

9. Григорян А.А. Личность мошенника как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 250–251.

10. Намнясев В.В., Скогорева Т.Ф., Решняк О.А., Чухнин Д.А. Особенности расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств в сфере компьютерной информации (159.6 УК РФ): методические рекомендации. – Волгоград, 2017. – С. 30–31.

11. Ушаков А.Ю., Столповский А.М., Саакян А.Г. Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий / А.Ю. Ушаков, А.М. Столповский, А.Г. Саакян. – Н. Новгород, 2017. – 63 с.

12. Состояние преступности в России за 2018–март 2019 гг. М. – С. 4.

13. Русаков И.М. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество в сфере предоставления интернет-услуг // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4(30). – С. 206–208.

14. Шевченко А.И. Информационные процессы в контексте проблемы повышения эффективности политического регулирования: социально-философский аспект / А.И. Шевченко // Человек. Общество. Инклюзия. – 2019. – № 2(38). – С. 36–41.

15. Шевченко А.И. Философское понимание права с позиции информатизации в правовом пространстве / А.И. Шевченко // сборнике: Информация как объект гражданских прав предпринимателей. Материалы Международной научно-практической конференции. Сборник статей. Ответственные редакторы Г.Ф. Гараева, Т.И. Султонова, М.Е. Бегларян, 2018. – С. 122–125.

16. Turitsyn A.V., Melikhov V.M., Uskova M.S., Turitsyn D.A. Smart contract as a new form of civil law contracts: national and international approaches to comprehension and regulation of the legal institution // Studies in Computational Intelligence. – 2019. – Т. 826. – С. 163–170.

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ
КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ НЕЗАКОННОЙ
ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) РЫБЫ (НА ПРИМЕРЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

*Хабаров В.А., курсант, Вецкая С.А., к.ю.н., доцент
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар*

Борьба с незаконной добычей водных биоресурсов является приоритетным направлением Главного управления МВД России по Краснодарскому краю. Наличие двух морей – Азовского и Черного предопределяет приоритеты деятельности для тринадцати районов Краснодарского края, в которых осуществляется добыча большинства видов рыб.

Регулярно, глава региона обсуждает вопросы по охране и контролю пользования водными ресурсами края. На заседаниях обсуждаются способы борьбы с браконьерами. Ставятся задачи по разработке мер поддержки кубанской рыбной отрасли [1].

Нормативными актами, регулирующими отношения в области рыболовства, охраны водных животных и морских промысловых растений, являются нормативно правовые акты Российской Федерации, а также законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации. Основными актами является федеральное законодательство, включая законы «О рыболовстве и сохранении

водных биологических ресурсов»' «Об охране окружающей среды», а также «Водный кодекс Российской Федерации».

Общие правила промышленного, любительского и спортивного рыболовства определены федеральным законодательством, распоряжениями и приказами об ограничениях по времени и сезонам лова, по запретам на отдельные группы рыб.

Однако реализация этого закона предусматривает, что конкретные правила ловли рыбы должны быть утверждены по каждому из рыбохозяйственных бассейнов.

На территории Краснодарского края и Республики Адыгея действуют Правила рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные приказом Минсельхоза России [2]. При этом правила рыболовства на внутренних реках края, в Азовском море и в акватории Черного моря – различны.

Правилами рыболовства, действующими в Краснодарском крае предусмотрено, что в бассейне Черного моря с бассейнами впадающих в него рек – в период времени с 1 ноября по 28 февраля добыча (вылов) всех водных биоресурсов запрещен [3].

Нарушения условий, правил, соблюдения добычи (вылова) водных биоресурсов на Кубани в Азовском море и реках, входящих в его бассейн, влечет основания для привлечения к уголовной ответственности. Законодательно закреплен нормой статьи 256 УК РФ [4], перечень признаков, определяющих добычу рыбы в качестве незаконной и уголовно наказуемой.

Нарушение правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов без квалифицированных признаков, предусмотренных ч.1 ст.

256 УК РФ, влечет административную ответственность по ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ [5] или по ч. 2 ст. 8.17 КоАП РФ [6] в зависимости от водоема, в котором осуществлялась незаконная добыча.

Например, суммарная суточная норма добычи (вылова) для всех видов водных биоресурсов (кроме рапанов), составляет не более пяти килограмм или один экземпляр в случае, если его вес превышает пять килограмм [7].

Отсутствие в норме ст. 256 УК РФ признаков нарушения норм экологического законодательства означает бланкетный характер рассматривает нормы. Поэтому по каждому уголовному делу суд обязан устанавливать и указывать в приговоре, нарушение каких норм, регулирующих порядок добычи водных биологических ресурсов, допущены подсудимым.

Предметом преступления являются нарушения использования водных биологических ресурсов, имеющих и не имеющих промысловое значение. Водные биоресурсы – это воспроизводящиеся живые ресурсы, неразрывно связанные с акваторией нахождения.

Существуют законные способы добычи речных и морских рыб.

Первый путь добычи законный, промысловый – добыча речных и морских рыб. В промышленных целях рыбу добывают для дальнейшего использования в питании, а также для добычи рыбьего жира. С промысловой точки зрения рыб можно разделить: на морских, живущих всегда в море; проходных, проводящих часть жизни (большую) в море и часть в реках, куда они входят на пресную воду для икрометания; и на пресноводных, живущих постоянно в реках, озёрах и т. п.

Второй способ добычи, аквакультура, представляет собой способ разведения различных пород рыб в специальных, искусственно созданных для этих целей водоемах. Термин «аквакультура» употребляется редко – искусственно выращенную рыбу обычно называют садковой или фермерской.

Третий способ, браконьерство – промышленное рыболовство, любительская рыбная ловля, нарушающая законодательство РФ. В последнее десятилетие рыбное браконьерство стало насущной проблемой, безжалостное и бездумное истребление рыб привело к значительному истощению рыбных ресурсов страны. К рыбному браконьерству можно отнести следующие случаи незаконной добычи рыбы: ловлю рыбы с причинением крупного ущерба, в местах нереста, на охраняемых природных территориях (заказниках, заповедниках, национальных парках), использование в процессе ловли взрывчатых и химических веществ, электротока, а также плавающих транспортных средств [8].

При этом браконьеры осуществляли незаконную добычу рыбы на путях миграции или в местах нереста рыбы с применением запрещенных орудий лова. Браконьеры используют очень широкий перечень орудий для осуществления своих преступных целей, но наиболее типичными из всех является перемет и сеть. Так, в октябре текущего года сотрудниками полиции были задержаны двое мужчин, которые осуществляли незаконный вылов рыбы на реке Кубань в Темрюкском районе Краснодарского края с использованием лесковой сети длиной 70 метров и высотой 2 метра. В ходе осмотра места происшествия в их лодке были обнаружены такие виды рыб как

судак, лобан, берш, пеленгас, чехонь, жерех, бычок, а нанесенный ущерб оценивается приблизительно в 150 тысяч рублей. Решается вопрос об их привлечении к уголовной ответственности по ст. 256 УК РФ [9]. Например, в городе Геленджике был задержан мужчина, который на моторной лодке при помощи обкидной сети выловил более 30 кг рыбы породы кефаль, причинив ущерб в размере 70 тысяч рублей. Подобный случай был выявлен ходе рейдовых мероприятий по охране водных биоресурсов на берегу лимана Бейсугский в районе станицы Бриньковской, сотрудники полиции задержали мужчину, который незаконно вылавливал рыбу, используя запрещенное орудие лова – лесковую сеть. По данным пресс-службы ОМВД России по Приморско-Ахтарскому району правоохранители обнаружили в сети улов 59-летнего местного жителя в количестве 128 особей тарани, 23 особей судака и 6 особей пеленгаса. Общий ущерб составил более 144 тысяч рублей [10].

Реализация указанных выше браконьерских орудий лова не запрещена и не ограничена на территории Краснодарского края; раздобыть орудия лова или изготовить их самостоятельно из подручных средств не составляет труда, что в принципе также является проблемой пресечения и профилактики данного вида преступлений.

Результаты проведения крупномасштабных оперативно-профилактических операций, таких как «Путина» на территории Краснодарского края, по декриминализации рассматриваемого вида преступлений, ложатся в основу возбуждения ряда уголовных дел, с

изъятием из незаконного оборота как самого вылова, так и специальной техники орудий лова.

В случае добычи (вылова) запрещенных видов водных биоресурсов они должны с наименьшими повреждениями, независимо от их состояния, выпускаться в естественную среду обитания.

В данной борьбе имеются определенные сложности и нюансы. Так, например, помимо «браконьеров-бригад» и «браконьеров-одиночек», преступления данной категории совершаются и легально рыбаками-промысловиками, что проявляется в сокрытии истинных объемов промысла рядом легально функционирующих хозяйствующих субъектов, что прямо влияет на недобор налогов от «промысловой деятельности».

Вылов рыбы в больших количествах, катастрофичен и опасен для экологии нашего края, так как рыба не успевает восполнить свою численность.

Сложность в выявлении и документировании преступлений данной категории обусловлена отдаленностью от береговой линии участков воды, в границах которых браконьерами осуществляется промысел. Злоумышленники имеют в пользовании быстроходные катера, оснащены современными средствами навигации и ночного видения и, как правило, действуют в ночное время суток, что затрудняет их оперативное обнаружение. В связи с этим сотрудниками полиции проводятся межведомственные рейдовые мероприятия во взаимодействии с Пограничной службой ФСБ России и Федеральной службой войск национальной гвардии по краю.

Одной из особенностей при принятии решения о возбуждении уголовного дела, является необходимость качественного сбора материалов проверки по факту незаконной добычи водных биологических ресурсов [13]. В особенности квалификации такого деяния на первом месте стоит вопрос трудности разграничения уголовно-наказуемого деяния и административного правонарушения; данное разграничение следует проводить по следующим признакам: применение самоходного транспортного плавающего средства, химических или взрывчатых веществ, электротока и иных способов массового истребления. Важное значение в данном разграничении имеют места совершения деяния, такими местами являются: места нереста или миграционные пути к ним, территории заповедника, заказника, зоны экологического бедствия или зоны чрезвычайной экологической ситуации, особо важно уделить внимание выяснению всех обстоятельств, характеризующих состав экологического преступления, последствию противоправного деяния, размера нанесенного вреда и причиненного ущерба. Для возбуждения уголовного дела по делам данной категории необходим сбор следующих документов: а) акт изъятия водных биологических ресурсов; б) акт о возвращении в среду обитания безвозмездно изъятых водных биологических ресурсов; в) справка федерального агентства по рыболовству «О расчете ущерба вреда, причиненного вследствие прямого уничтожения конкретного вида водных биологических ресурсов, их незаконной добычи (отлова); г) копии протоколов административного правонарушения, подтверждающих факты, нарушений в области охраны окружающей среды; д) копии

документов, подтверждающих личность и возраст правонарушителя; е) копии план-схемы места нарушения и задержания; ж) запросы специалистов (специалистов-ихтиологов); з) опросы граждан, должностных лиц, причастных к совершению преступления в области охраны окружающей среды.

Поводами для возбуждения уголовного дела, по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, являются: а) заявление (инспектора рыбоохраны, государственного инспектора департамента природных ресурсов и государственного экологического надзора); б) явка с повинной лица о производстве незаконных действий, в которых будут усматриваться признаки состава преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ; в) рапорт об обнаружении признаков преступления, который может быть составлен: пограничным отрядом отделения пограничной заставы, оперуполномоченным уголовного розыска, участковым уполномоченным полиции, сотрудником отдела по исполнению административного законодательства, сотрудником патрульно-постовой службы полиции; г) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [8].

При решении вопроса о возбуждении уголовных дел по ст. 256 УК РФ в большинстве случаев возникают проблемы, связанные с оценкой ущерба [14]. В диспозиции ст. 256 УК РФ нет указания на то, какая сумма ущерба является крупной, либо какое из совершенных

деянии носит малозначительный характер. Данное обстоятельство позволяет по-разному трактовать указанную статью.

В 2010 году, до вынесения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 года № 26, судами Краснодарского края выносились приговоры в отношении лиц, причинявших ущерб от 50, 100 и 1000 рублей [11].

За незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов действующим законодательством предусмотрена уголовная ответственность, санкция которой составляет лишение свободы на срок от двух до пяти лет. Одновременно с этим предусмотрена уголовная ответственность за незаконную добычу и оборот ценных водных биоресурсов, занесенных в Красную книгу РФ по ст. 258.1 УК РФ. Санкция данной статьи предусматривает лишение свободы на срок до семи лет.

В 2018 года органами дознания возбуждено более шестидесяти уголовных дел по фактам браконьерства, три дела в сфере незаконного оборота особо ценных видов рыб, занесенных в Красную книгу РФ, четыре дела по фактам реализации рыбной продукции, не отвечающей требованиям безопасности, и девять уголовных дел по фактам совершения должностных преступлений коррупционной направленности в данной сфере [10].

Для совершенствования досудебной стадии в борьбе с незаконной добычей водных биоресурсов необходимо совершенствование работы правоохранительных органов, а именно:

– органам внутренних дел организовать совместную работу с надзирающими органами (в числе которых находятся подразделения

Росрыболовства), организовать обязательные и наиболее частые, плановые и внеплановые проверки юридических лиц, занимающихся промысловой добычей водных биоресурсов согласно выделенных им квот, на предмет соответствия, предоставленного квотой объема вылова водных биоресурсов и фактического, на какой именно вид биоресурсов предоставлена квота и его совпадение, соответствие района промысла, с указанными в квоте;

– органам внутренних дел на транспорте совместно с территориальными органами внутренних дел и федеральной службой по надзору в сфере рыболовства выявлять и пресекать, возможные коррупционные проявления при распределении квот;

– устанавливать причинение иного экологического вреда окружающей среде, который мог быть нанесен при незаконном вылове водных биологических ресурсов данные факты документировать в обязательном порядке;

– к осмотру мест происшествий привлекать государственных инспекторов по охране водных биологических ресурсов территориальных управлений Росрыболовства, инспекторов отдела госконтроля, специалистов ихтиологов.

Литература

1. Газета «Трибуна» статья «На Кубани увеличились штрафы за незаконный вылов рыбы» от 30.05. 2019 г.

2. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 1 августа 2013 года № 293 «Об утверждении правил рыболовства для Азово-

Черноморского рыбохозяйственного бассейна» (с изменениями на 26 октября 2018 года).

3. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 утвержден подготовленный Минприроды России перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации (постатейный)/ под ред. Г.А. Есакова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019). ст. 256 Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2019) ст. 8.37. Нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира.

6. КоАП РФ Статья 8.17. Нарушение регламентирующих деятельность во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации или открытом море требований или условий лицензии.

7. Сайт Kuban.mk.ru «Только за апрель на Кубани изъяли 30,5 тонн выловленной браконьерами рыбы» от 29 апреля 2019 г.

8. Вецкая С.А. Особенности расследования незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами РФ. 2015 год.

9. Сайт prokuratura-krasnodar.ru Сведения о состоянии преступности в крае за 2018 год.

10. Отчет УТ МВД России по ЮФО О мерах по обеспечению сохранности, воспроизводства и использования водных биологических ресурсов Азово-Черноморского бассейна, 2018 год.

11. Пленум Верховного Суда РФ от 23.11.2010 года №26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ).

12. Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ, утвержден Приказом Госкомэкологии РФ от 19.12.1997 № 569 (ред. от 28.04.2011) «Об утверждении перечней (списков) объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации.

13. Шевченко А.И. Психология личности преступника и особенности формирования девиантного поведения / А.И. Шевченко // Уголовное судопроизводство России: историческое наследие и современные проблемы теории и практики реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции (посвящается 150-летию принятия Судебных Уставов 1864 года). Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – 2014. – С. 310–314.

14. Выявление и первоначальный этап расследования незаконной добычи рыбы: по материалам Азово-Черноморского водного бассейна. Щуров Е.А. 2008 год.

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом изменений, внесенных указом Президента Российской Федерации от 27 марта 2019 г. № 130 и вступивших в силу с 4 апреля 2019 г.).

16. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 утвержден подготовленный Минприроды России перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Шаповалова Д.А., студент

Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России),

г. Сочи

Научная статья посвящена теме роли и значения Великой Судебной реформы 1864 года, чье 155-летие мы отмечаем в эти дни. Для современного момента развития российской государственности, она не утратила своего определяющего значения. Наоборот, с каждым витком переосмысления и глубокого ее изучения, смысл и последствия преемственности достижений реформы становятся видны все более ясно и полно.

Напомним, что в целом результатами Судебной реформы 1864 г. стало не только развитие отдельных институтов государственно-правовой системы: прокуратуры, адвокатуры, судейского корпуса, уголовно-исполнительной системы, присяжных заседателей, нотариата, судебных приставов, но и по сути важным итогом стало формирование юридического сообщества в России совершенно обновленного характера. Его новоприобретенными чертами стали: большая открытость, автономность, наличие новых широких полномочий, большая ориентация в деятельности на интересы населения и гражданского общества в России.

В силу многоаспектности проблемы и наличия ряда сложных вопросов, связанных с сущностью, нововведениями и последствиями реформы, основное внимание в данном исследовании, прежде всего, обращено на рассмотрение роли реформы в развитии современного гражданского процессуального права, как одной из прикладных областей юриспруденции. Целью работы является рассмотрение и сравнение природы изменений гражданского процессуального законодательства, предпринятых в рамках Судебной реформы 1864 г. и современных преобразований в этой сфере. Основными методами исследования стали: историко-правовой анализ, сравнительный метод.

На наш взгляд, важным результатом Судебной реформы 1864 г. является то, что она стала импульсом к развитию не только гражданского процессуального права, но и в целом всей системы права в нашей стране. Фактически, как отмечают исследователи начинается «новая эра в юридическом развитии России» [1, с. 8]. Судебная реформа 1864 г. в научной литературе трактуется как одна из самых

подготовленных, последовательных и прогрессивных. С принятием Устава гражданского судопроизводства были заложены основы гражданского процесса, впервые гражданское судопроизводство было отделено от уголовного, закреплены такие важные принципы судопроизводства как состязательность, гласность, диспозитивность, устность, судейское руководство, непосредственность.

Безусловно, современное российское законодательство в области гражданского процесса отличается от установленного в 1864 году. В тоже время, заложенные данной реформой принципы и правовая модель действуют до настоящего времени. Провозглашенные реформой и Уставом гражданского судопроизводства основы судопроизводства продолжали действовать и действуют, несмотря на все исторические сложности и неурядицы развития российской государственности.

Безусловно, Судебная реформа 1864 года в России явилась необходимостью, обусловленной социально-правовой действительностью того времени. А реальное положение дел в состоянии гражданского судопроизводства заключалась в следующем: множественность и неопределенность процессуальных требований; отсутствие исчерпывающей подсудности гражданских дел и четкой регламентации сроков рассмотрения дел, что приводило к затягиванию процесса на годы. Указанная ситуация обуславливалась и тем, что решение гражданских дел возлагалось не только на судебные органы, но и на административно-судебные учреждения. Поэтому значительная часть гражданских исков рассматривалась во внесудебном порядке, напри-

мер, земскими участковыми начальниками¹. Процессуальная неопределенность безусловно, отрицательно влияла на объективность ведения судопроизводства.

Следует указать и на другие существенные дореформенные недостатки гражданского судопроизводства. В судах использовалась розыскная форма судопроизводства и оно осуществлялось в соответствии с принципом письменности. А это означало, что решение дел принималось на основании письменных материалов, которые были получены во время следствия. Участники судопроизводства устно не опрашивались и по существу не имели возможности передачи в суде непосредственного восприятия доказательств. А с учетом того, что адвокатуры не существовало то привлекаемые к ответственности лица по существу являлись беззащитными. Характерными недостатками гражданского процессуального порядка в предреформенное время являлись нескрываемый формализм ведения дел и медлительность рассмотрения. Особым фактором, мягко говоря не способствующим развитию системы, был кадровый потенциал личного состава суда и низкий размер жалованья, что приводило к повсеместному расцвету коррупции во всех судебных местах.

В ходе судебной реформы 1864 года произошли следующие основные изменения: отделение суда от территориальных администраций и независимость от них; создание всесословного суда; равенство всех перед судом; введение института присяжных заседателей; введение прокурорского надзора; создание четкой и понятной системы

¹ Подробнее: Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного совета. 1859. № 26–28, 44–48, 50, 62

судебных инстанций; введение апелляции и кассации; участие в процессе сторон защиты и обвинения [2]. К данному перечню, можно также добавить: введение в гражданские дела состязательного процесса; гласность судопроизводства; введение в гражданский процесс устных доказательств и др.

Судебная иерархия в результате реформы состояла из трех инстанций, низшим звеном были окружные суды. При судебных палатах и окружных судах были учреждены судебные приставы, судебные следователи и прокуратура. Определяющим новшеством судебной реформы было то, что при судебных палатах заседал совет присяжных поверенных. Они выносили вердикт о виновности подсудимого, а меру наказания определял штатный судья. Апелляции по приговору суда присяжных не принимались. Судебные палаты рассматривали жалобы и протесты на приговоры окружного суда. Отдельную систему составляли инстанции военных судов, к которым относились: полковой, военно-окружной и главный военный суды. Сенат являлся высшей судебной инстанцией. Он имел право толковать законы. Его департаменты рассматривали протесты, кассационные жалобы и просьбы о пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Судебная реформа 1864 года кардинально изменила систему обжалования, существовавшую ранее. Были созданы две системы судов – общие суды и мировые суды с разделением их в свою очередь на две инстанции: первую и апелляционную. Апелляционными инстанциями были судебные коллегии и съезды мировых судей. Их решения можно было обжаловать в кассационном порядке только в Правительствующий сенат [3, с. 20]. Следует подчеркнуть, что ре-

форма 1864 года не получила логического продолжения. Более того, ей на смену вскоре пришла контрреформа. Многие усовершенствования, реализованные в новой судебной системы, во многом не выдержали испытания складывающимся судебным опытом и вскоре потребовалась их качественная переработка. Изменения коснулись, в первую очередь, системы судопроизводства. Мировые суды сохранились лишь в трех крупных городах (Москве, Петербурге и Одессе). В других регионах их заменили земские участковые начальники. Их должности предоставлялись только дворянам с высоким имущественным цензом. Земские начальники были наделены правом решать все спорные вопросы единолично. Роль кассационной инстанции стали выполнять губернские присутствия, которые состояли из чиновников. Суды получили право рассматривать дела при закрытых дверях, что повлекло к сокращению гласности. Из суда присяжных произошло изъятие дел о «сопротивлении властям» [2].

По сути, Судебная реформа 1864 год и гражданское судопроизводство, только начав реализовываться, сразу начали претерпевать трансформацию и в последующие три десятилетия в судебные уставы было внесено более 600 изменений, дополнений и поправок. В тоже время Судебные реформы 1864 года на долгие годы правоприменительной практики в России явились ориентиром радикальных подходов к совершенствованию работы судебных органов. До сих пор теория и практика судопроизводства постоянно обращается к базовым основам указанной реформы при поиске новых подходов к совершенствованию цивилистической деятельности. В рамках настоящей статьи не представляется возможным проанализировать все живые юри-

дические нити, связывающие прошлое и настоящее. Укажем некоторые, на наш взгляд, наиболее важные из них, корни которых перекликаются с новаторством судебной реформы 1864 года.

Во-первых. В действующее цивилистическое процессуальное законодательство была введена возможность использования примирительных процедур для урегулирования споров. Роль суда в примирении сторон значительно возросла. В настоящей редакции ст. 148 ГПК РФ примирение сторон выступает одной из задач стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Во-вторых. В гражданское судопроизводство введена возможность использования технических средств при проведении отдельных процессуальных действий. С 1 января 2017 года стало возможным обращение в суд путем заполнения формы на официальном сайте суда, а также стало доступным получить копию решения суда посредством размещения последней на сайте суда. Также в настоящее время допускается оповещение лиц, участвующих в деле, и иных лиц посредством рассылки смс-уведомлений [13].

В-третьих. Претерпела изменения система пересмотра судебных актов. Федеральным законом от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» коренным образом изменена система пересмотра как не вступивших, так и вступивших в законную силу судебных постановлений. Теперь все, не вступившие в законную силу судебные постановления, рассматриваются в апелляционном порядке, а вступившие в законную силу – в кассационном.

В-четвертых. Изменены требования к содержанию судебных решений, принимаемых мировыми судьями, а также решений, принимаемых в порядке упрощенного производства. Законодатель предоставил возможность мировым судьям выносить итоговое решение без мотивировочной части. Судебное решение как итог дела, рассмотренного и разрешенного в упрощенном порядке, принимается путем вынесения резолютивной части решения, что значительно сокращает временные затраты и, следовательно, повышает эффективность работы мировых судей.

Безусловно, совершенствование современного гражданского процессуального права в России, в отличие от 1864 года носит не революционный, а эволюционный характер. Сейчас развитие процессуального законодательства осуществляется за счет накопления и обобщения огромного отечественного научного и практического опыта, а не за счет больших заимствований в законодательстве зарубежных, прежде всего, европейских стран, как это было предпринято при реформе 1864 года. Процессуальное право в настоящее время во многом испытывает давление большого количества регулярно вводимых изменений и дополнений, что приводит к значительному усложнению системы, зачастую ее громоздкости. В то же время, большим достижением в современном гражданском процессуальном производстве, огромным шагом вперед в реализации принципа справедливого судопроизводства, является создание независимых апелляционной и кассационной инстанций.

На современном этапе реформирования современного гражданского процессуального законодательства требуется дальнейшее уси-

ление социальной направленности его развития, то есть плановое движение в направлении прогрессивного вектора демократичности социальных преобразований, который был смело применен в Судебной реформе 1864 года. Изучение и использование опыта подготовки Устава гражданского судопроизводства 1864 года, исторических уроков применения Устава, традиций отечественного судопроизводства необходимо при проведении работы по современному реформированию гражданского судопроизводства, способно обеспечить единство законодательства, теории и судебной практики.

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М., 2003.
2. Турыгин Д.Л. Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на развитие современной судебной власти // Молодой ученый. – 2017. – № 21. – С. 363. – URL <https://moluch.ru/archive/155/43672> (дата обращения: 01.12.2019).
3. Загайнова С.К., Скуратовский М.Л., Тимофеев Ю.А. Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учебное пособие. – М.: Статут, 2018.
4. Бабенко И.А., Кулик Ю.К. Проблемы и перспективы развития института суда присяжных // Современная научная мысль. – 2017. – № 4.

5. Нечепуренко А.А., Веретенников Н.Н. Роль судебной власти в современной правозащитной политике Российской Федерации // Современная научная мысль. – 2017. – № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Джадан Е.И.</i> Право на медицинскую помощь: проблемы реализации на примере Краснодарского края	5
<i>Конарева Е.Е.</i> Исполнение обязательства поручителем.....	21
<i>Конеева А.Р.</i> Феномен искусственного интеллекта с точки зрения теории гражданских правоотношений	39
<i>Кочан И.С., Меликян А.М.</i> Договор купли-продажи, заключенный дистанционным способом.....	54
<i>Намитоков Ю.А., Загайнова Г.Г.</i> Доктрина конституционной идентичности: за и против	71
<i>Нерсесьян Л.В.</i> Обязательный судебный контроль в сфере медицинской деятельности	79
<i>Новиченко А.А.</i> Проблемы регулирования вопросов, связанных с домашним насилием в России и за рубежом	91
<i>Оганесян Д.Р., Яблонская Л.В.</i> Механизм уголовно-правового обеспечения государственно-частного партнерства.....	107
<i>Падунова М.С., Меликян А.М.</i> Преступность женщин и ее предупреждение	123
<i>Ткаченко М.А., Науменко О.А.</i> Особенности расследования мошенничества, совершенного в сети интернет	138

Хабаров В.А., Вецкая С.А. Уголовно-процессуальное доказывание
квалификационных признаков незаконной добычи (вылова)
рыбы (на примере Краснодарского края)154

Шаповалова Д.А. Судебная реформа 1864 года
и ее роль в развитии современного гражданского
процессуального права166

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
«КРАСНОДАР-2019»

Ответственный редактор: В.В. Сорокожердьев

Компьютерная верстка: А.Г. Рубин, Ю.С. Потанина

Подписано в печать 04.03.2020 г.
Формат бум. 60.90/16. Усл. печ. л. **xxxx.**
Тираж 500 экз.

ООО «Граф Колесник»
Адрес: 350015, Краснодарский край, Краснодар, ул. Северная, 400.
Тел.: 8 (861) 210-87-02.